

1908 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 11.

II годъ изданія.

ВѢСНѢ

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

смотреть не как на дорогую игрушку, служащую забавѣ богача, а быть твоимъ другомъ, дѣлить вмѣстѣ радости и горе, быть нѣжнымъ и пылкимъ возлюбленнымъ.

— Да, мнѣ такъ необходимъ другъ, человекъ, который любилъ-бы и понималъ меня, вѣдь на меня смотрятъ только, какъ на женщину. Вотъ ты говоришь о любви, о дружбѣ, а я чувствую, что ты этими цвѣтами только украсилъ свою страсть. Пройдетъ она и цвѣты завянутъ.

— Неправда. Хочешь принять мою дружбу, Ната? Ты будешь первымъ человекомъ, которому я искренно ее предлагаю. У меня есть друзья, но я ни для кого изъ нихъ не былъ другомъ, отчасти въ этомъ виноватъ мой замкнутый характеръ, съ другой стороны—взглядъ на людей. На мужчинъ я смотрю, какъ на враговъ,—это стая волковъ, дерущихся изъ-за добычи, женщины были для меня предметомъ удовольствія. Тебя же я люблю первую, люблю настоящей любовью, отдаю тебѣ не только всю страсть, которая есть во мнѣ, но и сердце.

— Ты обманываешься; сейчасъ ты не можешь быть моимъ другомъ, можетъ быть потомъ,—не знаю. Дружба, это результатъ изученія другъ друга, она не вспыхиваетъ сразу, а является послѣ долгаго общенія; мы же почти не знаемъ другъ друга. Теперь ты только начинаешь узнавать меня, какъ женщину, когда же ты познакомишься со мной, какъ съ человекомъ, ты увидишь, какъ много злого, дурного скрыто во мнѣ, увидишь, что я вся соткана изъ недостатковъ, и тогда ты откажешься отъ дружбы, которую предлагаешь.

— Никогда. Зло привлекаетъ меня больше добра. Дурное, даже преступное, я могу понять, понять, лишь-бы оно было красиво, а въ тебѣ не можетъ быть уродства. Прекрасная оболочка должна заключать прекрасное ядро. А красота искупаетъ все.

— Развѣ дурное можетъ быть красивымъ?

— Красота можетъ быть во всемъ, она есть и въ лазуревой синевѣ безоблачнаго неба, и спокойной тишинѣ заснуваго воздуха, но ее можно найти и въ бушующемъ морѣ, грозovýchъ тучахъ, перерѣзываемыхъ огненными змѣйками-молніями, и въ потрясающихъ ударахъ грома. Послѣдняя даже величественнѣе и могущественнѣе первой.

— Вѣдь не ты первый мнѣ предлагаешь дружбу, но все-таки у меня не было и нѣтъ друзей; влюбленныхъ въ меня—много, это правда. Вотъ, одинъ господинъ, нѣкто Вельманъ, онъ воротила въ нашемъ банкѣ, любитъ меня безумно, исполняетъ всѣ мои капризы и желанія; я знаю что, онъ никогда не уйдетъ отъ меня, но онъ все-таки не мой другъ,—онъ смотритъ на меня, какъ на забаву, его тянетъ ко мнѣ, какъ алкоголика къ вину. Онъ предлагалъ мнѣ выйти за него замужъ, я отказала,—честность удержала меня,—я знаю, что не буду ему вѣрна, да я и не собираюсь замужъ,—мнѣ кажется что я не могу быть матерью, а безъ этого не имѣетъ смысла. Я хочу быть свободной. Онъ помогаетъ моей семьѣ, они такъ привыкли къ этому, что сами обращаются къ нему, и онъ даетъ.

— Онъ твой любовникъ?

— А ты ревнуешь? Онъ взялъ меня недавно, нужны были деньги до зарѣза,—триста рублей. Я говорю ему объ этомъ. Хэршъ, мы проведемъ вмѣстѣ время, а потомъ поговоримъ объ этомъ. Это было очень тяжело. Ахъ, какъ я его ненавижу, ужасно ненавижу. Вотъ, черезъ два—три мѣсяца у него въ рукахъ будутъ очень

большія деньги,—я отниму у него все, ничего не оставляю, доведу до позора, и тогда оттолкну,—это будетъ моя месть.

— Местъ за любовь, маленькая хищница?

— За униженіе. Но вѣдь я не для себя дѣлаю все это,—для семьи. Вся семья держится на мнѣ, на себя я трачу очень мало. Дома за мной всѣ ухаживаютъ, молятся на меня и эксплуатируютъ, но я все-таки люблю свою семью, хотя моя жизнь тамъ ужасна. Вотъ я сейчасъ вернусь, и знаю, что мать моя пьяна, братъ встрѣтитъ меня упреками. Какъ это ни странно, они считаютъ меня маленькой и держатъ положительно заперти. Они молчатъ только тогда, когда знаютъ, что я была съ Вельманомъ, такъ какъ онъ платитъ за молчаніе.

— Наточка, мнѣ тебя очень жаль, но какъ же ты не можешь завоевать себѣ самостоятельность?

— Я пробую, но это такъ трудно. Было время, когда я боролась и оказалась побѣжденной. Хочешь, я расскажу тебѣ всю исторію. Тогда я жила съ однимъ господиномъ, нѣкто Франкель.

— Ты уже говорила про него.

— Да, я говорила, что послѣ исторіи на островахъ, я не встрѣчалась съ нимъ,—это неправда. Онъ собственно и развратилъ меня, до знакомства съ нимъ я была почти дѣвочкой. Онъ былъ интересный мужчина. Нѣмецъ, блондинъ, съ голубыми глазами, молодой, очень богатый. Я не любила его, но онъ сѣмѣлъ подѣйствовать на меня, разжегъ во мнѣ страсть и взялъ, а потомъ онъ даже нравился мнѣ. Это былъ оригинальный человекъ, и мы съ нимъ безумно проводили время. Онъ любилъ все острое, утонченное, любилъ любовь и былъ моимъ хорошимъ учителемъ. Время, которое я жила съ нимъ, представляется мнѣ какой-то сплошной вакханаліей. Я почти переселилась къ нему, въ его квартирѣ была моя комната, онъ одѣвалъ меня, и я была у него совсѣмъ хозяйкой. Вотъ тогда я и пыталась выбиться изъ-подъ вліянія семьи, но мнѣ это не удалось, мнѣ было тяжело переносить постоянные упреки, и я разсталась съ нимъ. Меня били, а это самое ужасное,—все можно выдержать, но не это. Однажды меня довели до того, что я бросилась къ нему. Приѣзжаю, звоню. Встрѣчается,—что съ тобой? Откуда ты? — Я больше туда не вернусь, ты можешь выгнать меня, я пойду на улицу, но не туда. Онъ взялъ меня и увезъ въ Выборгъ. Мы прожили тамъ нѣсколько дней, потомъ его братъ вызвалъ насъ телеграммой. Мои родные заявили въ полицію, напечатали объявленіе въ газетахъ, дѣло приняло серьезный оборотъ, и не вернуться было нельзя. Мы вернулись, меня водворили домой, и держали заперти.

— И съ Франкелемъ ты не встрѣчалась послѣ?

— Встрѣчалась, но онъ уже увлекся другой, да и меня онъ не интересовалъ больше.—Ну вотъ, я тебя немножко познакомилась съ своей жизнью, все, что я говорила, не отталкиваетъ тебя отъ меня?

— Наоборотъ, моя радость, привлекаетъ, я чувствую, что въ нашихъ натурахъ есть много общаго, и мы поймемъ другъ друга.

— Что же дѣлать, можетъ быть все это дурно и безнравственно, но этого требуетъ жизнь, поступать иначе я не могу. Но ты однако совсѣмъ не похожъ на студента.

— Почему,—улыбнулся Боримірскій отъ неожиданности этого вопроса.

— Да какъ же,—студенты, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ я знала, всѣ какіе-то идеалисты, вѣрятъ въ добро, лучшее будущее, служатъ высокимъ идеямъ, борются и говорятъ о готовности пожертвовать собой за правду, а ты не такой.

— Да, не такой. Видишь-ли, я слишкомъ равнодушенъ къ людямъ, ихъ горе меня не трогаетъ, у меня нѣтъ чувства состраданія къ нимъ, и поэтому я не въ состояніи отдать себя на служеніе ихъ благу и счастью; наоборотъ, мнѣ доставляетъ удовольствіе дѣлать имъ зло — страданія другихъ меня забавляютъ. Знаешь, мнѣ пришлось быть въ Одессѣ въ дни революціи и погромовъ, когда темныя массы, всякое отребье, которое скрывалось раньше въ своихъ трущобахъ, сдерживаемое страхомъ передъ судомъ и наказаніемъ, выползло на улицу и справляло праздникъ дикаго безчинства. Я видѣлъ людей, разорванныхъ въ клочки, женщинъ съ обрѣзанными грудями, стѣны, обрызганныя кровью и мозгомъ, и ни на одну секунду жалость не проснулась во мнѣ. Однажды мнѣ пришлось съ балкона наблюдать, какъ толпа черни гналась за евреями; онъ бѣжалъ, спотыкался, видимо напрягалъ всѣ силы, а сзади неслись съ гиканьемъ люди, похожіе на свору гончихъ. Что же ты думаешь,—я пожалѣлъ его? Я думалъ—догонять-ли, и когда онъ упалъ, подшибленный брошеннымъ сзади камнемъ, я напрягалъ свое зрѣніе, чтобы видѣть всѣ мелкія подробности дикой расправы.

— Ты рассказываешь ужасныя вещи, ты, конечно, шутишь, но мнѣ страшно. А если-бы на мѣстѣ этого еврея была я, ты тоже не пожалѣлъ бы меня?

— Я-бы не думалъ объ этомъ, я бросился-бы къ тебѣ на помощь, я люблю тебя, ты дорога мнѣ, и твои страданія причинили бы мнѣ боль.

— Тебя вѣроятно очень обидѣли люди, что ты такъ относишься къ нимъ?

— Нисколько. Это отношеніе не есть результатъ озлобленія. вовсе не желаніе мстить, отъ людей я скорѣе видѣлъ добро... Если все, что я тебя рассказываю, назвать жестокостью, то она у меня въ крови. Когда я былъ мальчикомъ,—я любилъ мучить животныхъ, потомъ я билъ своихъ сверстниковъ и товарищей, любовь къ жестокимъ зрѣлищамъ и играмъ проявлялась еще въ дѣтствѣ. Видъ страданія возбуждаетъ, бьетъ по нервамъ... Знаешь, я думаю, это есть въ каждомъ человекѣ. Ты наблюдала когда-нибудь за выраженіемъ лицъ публики въ циркѣ, когда смѣлый гимнастъ продѣлываетъ подъ потолкомъ свои головоломныя упражненія и рискуетъ свалиться каждую минуту? Вотъ, недавно—случай: прохожу по Троицкому мосту, вижу—толпа вдоль рѣшетки — наклоняются, смотрятъ, жестикулируютъ. Оказывается, какой-то человекъ бросился въ воду. Я искалъ жалости на чьемъ-нибудь лицѣ, но нашелъ одно любопытство.

— Что же, онъ утонулъ?

— Вѣроятно; ему бросили кругъ, но онъ оттолкнулъ его.

— Какъ ты думаешь, утонуть—тяжелая смерть?

— Почему ты это спрашиваешь?

— Я часто думаю о самоубійствѣ. Но я хотѣла-бы умереть не тогда, когда мною овладѣваетъ отчаяніе, тоска, а когда я безумно весела, наслаждаюсь, умереть отъ счастья, вѣдь это должно быть восхитительно, правда?

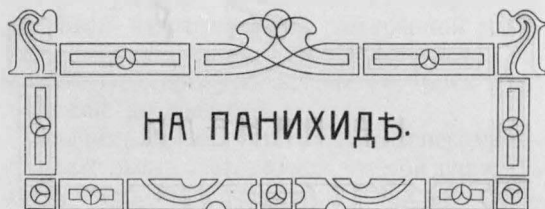
— Да, это лучшая смерть, какую только можно себѣ представить.

— Будемъ говорить „вы“, — ты — это пошло, вульгарно, оно хорошо только въ

— О нѣтъ, это совершенно невозможно, я должна быть дома въ десять часовъ. Со

— Борьба на меня действуетъ, хотя, все равно, — поѣдемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Такъ всегда поступаетъ безжалост-
ный рокъ:
Онъ однимъ подаритъ наслажденье,
А другимъ—синеватый кадила ды-
мокъ
И дьячка заунывное пѣнье.

Но, какъ это часто бываетъ съ неврастенниками, онъ почему-то сразу успокоился,

— Ждешь въ передней по два-три часа, трепещешь, боишься кашлянуть, не знаешь, куда руки и ноги дѣвать, чтобы не показаться „благодѣтелю“ слишкомъ независимымъ и развязнымъ... Просишь, унижаешься, умоляешь, готовъ смолчать оскорбленіе— лишь бы получить это „благодѣяніе“. Благодѣяніе, чертъ возьми!..

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, стаканы запрыгали и зазвенѣли.

— Четырнадцать часовъ какой-нибудь идиотской работы и двадцать пять, тридцать рублей въ мѣсяцъ вознагражденія—и это дается съ такимъ видомъ, какъ будто васъ облагодѣтельствовали, ни за что одарили, осчастливили на всю жизнь!..

Вскочивъ со стула, онъ нервно зашагалъ по комнатѣ, мелькая то въ одномъ, то въ другомъ углу своей высокой, худощавой фигурой, и на ходу говорилъ, рѣзко жестикулируя руками:

— Я говорю: пусть! Чертъ съ вами!.. Пусть это будетъ благодѣяніе, милостыня, жертва—все, что угодно!.. Я уже униженъ настолько, что и съ этимъ готовъ мириться. Я говорю работодателю: вы мой благодѣтель; я вамъ обязанъ жизнью, спасеніемъ, счастьемъ; вы совершили величайшій актъ гуманности и великодушія, давъ мнѣ работу, и я отнынѣ вашъ преданный слуга, рабъ, песъ дворовый. Давите меня, изнуряйте работой, ругайте, бейте—я вамъ буду преданъ до смерти, благодаренъ до слезъ,—только дайте, дайте, дайте же мнѣ, наконецъ, работу, чтобы мнѣ съ женой и ребенкомъ не умереть съ голоду!..

Въ голосѣ у него зазвенѣли слезы, и какъ-будто устыдившись, онъ замолчалъ, остановился у окна и нѣсколько минутъ смотрѣлъ туда, нервно передергивая плечами.

Каричъ сидѣлъ глубоко въ креслахъ и грустно смотрѣлъ на него, барабани пальцами по ручкамъ кресель.

— Развѣ это не написано на моемъ лицѣ, на моей униженно-сгорбленной фигурѣ, когда я стою передъ „благодѣтелемъ“ и робко прошу у него работы?—какъ будто думая вслухъ, заговорилъ снова Брагинъ, глядя въ окно:—Но насъ, ищущихъ работы и умирающихъ съ голоду—тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ,—вернулся онъ лицомъ къ Каричу:—гдѣ взять для всѣхъ работу?..

И уставившись въ пріятеля глазами, настойчиво повторилъ:

— Гдѣ взять, я васъ спрашиваю, работу!..

Каричъ задумчиво молчалъ и не дожидаясь его отвѣта, Брагинъ продолжалъ изливаться накипѣвшее въ немъ озлобленіе:

— Другой же просто побоится взять неизвѣстнаго ему человѣка: а вдругъ окажется не преданнымъ и вовсе не рабомъ, а человѣкомъ съ сознаніемъ собственного достоинства и своихъ человѣческихъ правъ!.. Нужна чья-нибудь рекомендація, аттестація другого „благодѣтеля“, знающаго васъ, какъ примѣрнаго и весьма способнаго на преданность и покорность раба!..

— Да,—отозвался Каричъ, какъ-будто освободившись отъ раздумья и пожимая плечами:—все это, конечно, ненормально, но что подѣлаешь? Таковъ ужъ у насъ порядокъ!..

Брагинъ молча подошелъ къ столу. Волненіе смѣнилось въ немъ вдругъ упадкомъ силъ. Сгорбившись, онъ устало опустился на стулъ и только глухо пробормоталъ, засовывая руки глубоко въ карманы съ такимъ видомъ, словно ему стало холодно:

— Проклятый порядокъ!..

Лампа тихо играла подъ зеленымъ абажуромъ, какъ будто старалась напомнить о себѣ, но Брагинъ не слыхалъ ея, погруженный въ свои невеселыя думы и сидѣлъ съ закрытыми глазами. Каричъ разсматривалъ его лицо, худое, землистаго цвѣта, съ впалыми щеками, лишенными растительности, съ жидкими, висящими книзу усами

и рѣдкой бородой и думалъ о томъ, что если-бы онъ самъ не былъ обремененъ семьей, то навѣрно уступилъ-бы Брагину свое мѣсто въ Коммерческомъ банкѣ.

— Вамъ-бы слѣдовало запастись рекомендаціей какого-нибудь вліятельнаго лица,—проговорилъ онъ, протирая платкомъ очки и блуждая близорукими глазами:—рекомендація — это все. Будь вы хоть семи пядей во лбу, но если за васъ не проситъ вліятельное лицо — вамъ предпочтутъ какое-нибудь ничтожество, за спиной котораго стоитъ кто-нибудь изъ сильныхъ міра сего... Взять хотя-бы меня. Особеннымъ образованіемъ и способностями я не отличаюсь, и навѣрно, въ числѣ двадцати пяти кандидатовъ на мѣсто въ Коммерческомъ банкѣ были люди, гораздо развитѣе и способнѣе меня, но у меня оказалась самая вѣсская рекомендація... Мнѣ, конечно, очень досадно, что изъ-за меня страдаютъ люди, болѣе достойные, но я прежде всего долженъ заботиться о томъ, чтобы избавить отъ страданій свою семью. Это, можетъ быть, эгоистично, но вполне оправдывается нынѣшнимъ порядкомъ вещей... Борьба за существованіе!..

Брагинъ, казалось, его не слушалъ и задумчиво разсматривалъ свои сапоги, видъ которыхъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе плачевнымъ...

— Въ Коммерческомъ банкѣ,—проговорилъ онъ какъ-бы про себя:—двѣ недѣли тому назадъ меня почти приняли. Тамъ у меня оказался знакомый бухгалтеръ, который и просилъ за меня. На другой день я уже долженъ былъ придти на занятія... Вечеромъ вдругъ получаю письмо. Бухгалтеръ сообщаетъ, что на мое мѣсто принять другой, явившійся съ рекомендаціей какого-то князя или графа, которому, по какимъ-то финансовымъ соображеніямъ, нельзя было отказать... Думалъ я пойти къ этому счастливцу, просить, умолять его — отказать... жена отговорила, да и самъ потомъ опомнился: съ какой стати онъ долженъ уступить мнѣ мѣсто?..

— По моему—сказалъ Каричъ; — онъ долженъ былъ-бы отказать. Вѣдь, мѣсто было уже за вами!..

Брагинъ криво усмѣхнулся.

— Ну, знаете, въ такое благородство я уже не вѣрю. Всего нссмотрѣлся... Мнѣ только досадно, что я самъ не запасся рекомендаціей того-же лица. Черезъ васъ могъ-бы... Вѣдь, вы, кажется, знакомы съ графомъ Шульгинымъ?..

— У того было письмо отъ Шульгина?—быстро спросилъ Каричъ, вдругъ заволновавшись и круто повернувшись къ Брагину.

— Да, графа Шульгина,—проговорилъ Брагинъ и задумался, какъ-будто его поразила какая-то мысль.

Каричъ ушелъ глубоко въ кресло и, опустивъ голову, смущенно постукивалъ пальцами по ручкамъ кресель. Поднявъ глаза и встрѣтивъ удивленный взглядъ пріятеля, онъ сильно покраснѣлъ, опустилъ голову и еще глубже ушелъ въ кресла.

Брагинъ тоже покраснѣлъ и мучительно задвигался на стулѣ. Вынулъ руки изъ кармановъ, потеръ ихъ и опять спряталъ. Хотѣлъ что-то сказать, но только пошевелилъ губами и скривилъ ротъ жалкой улыбкой..

Опять заиграла лампа и, прислушиваясь къ ней, Брагинъ почувствовалъ, что съ этимъ жужжаніемъ въ него вливается острое раздраженіе. И въ то же время въ немъ росла глухая непріязнь къ этому человѣку, выхватившему у него изъ рукъ кусокъ хлѣба, уже поднесенный имъ ко рту. Ему казалось, что надъ головой Карича про-

стерлась тѣнь графа Шульгина, и глядя на него сухими, недобрыми глазами, онъ со злой усмѣшкой проговорилъ:

— Вы гораздо счастливѣе меня: только одинъ мѣсяцъ находились безъ мѣста... А я ужъ полгода!..

Его волновали гнѣвъ, обида, зависть. Но объясняться? Каричъ не виноватъ, что такъ случилось, и все-же онъ отнялъ у него мѣсто, кусокъ хлѣба, благополучіе семьи — и отдать назадъ не хочетъ и не можетъ!..

Оба молчали, и въ воздухѣ висѣло что-то тяжелое, непріятное. А лампа все играла, и у Брагина все росло раздраженіе, путались мысли, сжималось сердце.

Онъ всталъ и, пересиливъ непріязнь, протянулъ Каричу руку. Тотъ какъ-будто не ожидалъ отъ него такого великодушія, вскочилъ, смущенно и радостно сжалъ и потрясъ его руку. И въ этомъ пожатіи Брагинъ почувствовалъ благодарность Карича. Это его тронуло.

Уходя, уже въ дверяхъ, онъ дружелюбно замѣтилъ:

— А все-таки, мой совѣтъ: выкиньте эту проклятую лампу съ музыкой!..

Каричъ дѣлanno засмѣялся и, провожая его, съ преувеличенной предупредительностью проговорилъ:

— Непремѣнно, непременно выброшу!..

Вл. Ленскій.

Набѣленная, проходишь ты одна,
Неизвѣстная, откуда-то со дна,
Дочь убогая веселій и невзгодъ,
Одинокая средь бурь и непогодъ.
• На панели скоро встрѣтишь ты зарю.
Утомленная припала къ фонарю.
Чьи-то вольныя проносятся слова...
Ты хохочешь... И мутится голова.
Вижу я: уже четвертый подошелъ;
Вижу я: чего искалъ—онъ не нашелъ.
И улыбка, и слезинка мнѣ видна,
И стоишь ты все одна... одна.. одна..
Ты близка мнѣ, неизвѣстная моя.
Ты близка мнѣ, одинокая, какъ я:
Вѣдь и я бреду затерянный въ пути,
Вѣдь и мнѣ пристанищъ мирныхъ
не найти.

Ни безумья, ни тоски не утая,
Подойди ко мнѣ, ненужная моя.
Оба лишніе, усталые, одни,
Мы забудемся.. Тамъ, гдѣ нибудь,
въ тѣни!..

А. Мейснеръ.

Ж Е Н А

РАЗСКАЗЪ

Павла Вейнберга.

— Коля женился на мнѣ двадцати трехъ лѣтъ, — ужасно заторопилась Кнорышева, улыбаясь вздрагивающей потерянной улыбкой, — могъ-бы не жениться и женился... За-мѣтьте это г. прокуроръ... Мы съ нимъ сошлись еще до свадьбы...

Значить его поступокъ является несомнѣнно движеньемъ благородной, чуткой души. Въ наше время на незаконныя связи смотрятъ болѣе чѣмъ легко... И если человѣкъ сорвавшій запретный плодъ раньше указанного общественнымъ закономъ времени не ограничивается однимъ только «срываньемъ», а идетъ дальше и «узакониваетъ отношенья», то онъ считается честнымъ, порядочнымъ... Я исключаю отсюда браки по принуждению т. е. такіе, когда женщина — отдавшись предварительно мужчине, заставляетъ его потомъ жениться на себѣ... Съ моей стороны не было и тѣни насилья, могу васъ завѣрить честнымъ словомъ, г. прокуроръ... Наоборотъ, я боялась брака, боялась тѣхъ цѣпей, которыя онъ налагаетъ... Наша свадьба была непремѣннымъ желаньемъ Коли... Онъ стоялъ на колѣняхъ, цѣловалъ мои руки говорилъ: «мы должны повѣнчаться, во что бы то ни стало!.. Если любишь согласишься!.. «Если любишь»... Эта фраза стала въ послѣдствіи его любимой фразой... «Если любишь — пойди туда-то, если любишь устрой то-то»... Я шла и устраивала потому, что любила... Да иначе и быть не могло!.. Я подраздѣляю всѣхъ женщинъ на двѣ категоріи: одна можетъ отдаться мужчине съ перваго же знакомства, прельстившись его глазами, цвѣтомъ волосъ, красивымъ профилемъ, другая отдается только тогда, когда мужчина дѣлается ей необходимымъ, какъ человѣкъ... И, замѣтьте, самый фактъ «отдачи» не играетъ для нихъ первенственной роли... И вотъ эта-то вторая категорія женщинъ предназначается самой природой для брака, освященнаго церковью и поощряемаго обществомъ... Я причисляю себя ко второй категоріи, а Анастасію Фарновскую къ первой... Не думайте, г. прокуроръ, что я говорю это по злобѣ, желая очернить «разлучницу»... Клянусь вамъ, что любовь дала мнѣ силы, все забыть, все простить и

всему найти оправданіе... Фарновская здѣсь играетъ лишь роль «другого полюса», къ которому устремился Коля, въ надеждѣ найти обѣтованную землю. Она мнѣ необходима только для характеристики мужа, а на все остальное я давно махнула рукой... Сдѣланнаго не передѣлаешь, былого счастья не вернешь!.. На лицо Кнорышевой легли тѣни... Складка между бровями обозначилась рѣзче, въ глазахъ мелькнуло что-то, похожее на слезы...

— Вы скажете, что наша исторія банальна до пошлости, вновь заторопилась Кнорышева, — но это неправда, увѣряю васъ...

По крайней мѣрѣ съ моей стороны буржуазности не было... Я старалась разнообразить жизнь и поддерживать новизну... Но... пальмы великолѣпно растутъ въ оранжереяхъ, гдѣ существуетъ специальная температура, и вянуть въ обыкновенныхъ комнатахъ...

«Спеціальная температура» необходима для каждого мужчины вообще, а для людей талантливыхъ въ особенности... Провѣрьте это фактами и вы убѣдитесь...

Коля талантливъ, онъ гениаленъ во многихъ отрасляхъ искусства, и въ этомъ главная причина его несчастій... Природа одновременно съ талантомъ даетъ человѣку жажду новыхъ впечатлѣній...

«Прелесть новизны» пригодна по этому для цѣлаго ряда прекрасныхъ стихотвореній... Но новизна старѣетъ, старѣютъ и стихотворенія. Надо сказать что нибудь яркое и сильное, могущее затмить прошлое и создать новое, свѣтлое и прекрасное, выходящее изъ рамокъ обыденности... Я знала артистовъ, художниковъ и писателей, которые чуть-ли не ежедневно мѣняли женщинъ, специально только для того, чтобы поддерживать прелесть новизны... Въ ней они черпали вдохновеніе, рождающее новыя мысли, новыя идеи... И замѣтьте, грязь зачастую создавала свѣтъ, самый отвратительный развратъ способствовалъ зарожденію гуманнѣйшихъ проектовъ, уже принесшихъ человечеству пользу... Первая категорія женщинъ, къ которой принадлежитъ

Фарновская, пріятна для мужчинъ тѣмъ, что умѣетъ искусно поддерживать новизну.

Сегодня безумная ласки, жгучіе поцѣлуи, завтра безпричинная ревность со всѣми ея атрибутами, а на другой день тихая грусть, разрѣшающаяся слезами...

Много варьяцій на самую простую обыкновенную тему... И съ ихъ стороны это не игра, г. прокуроръ, а естественная потребность, истомленное свойство души... Мы, обыкновенныя, такъ называемая, семейныя женщины, прежде всего видимъ въ мужѣ человѣка, очень часто забывая въ немъ мужчину... Когда онъ боленъ — мы исполняемъ роль фельдшерицы, сидѣлки, сопряженную съ далеко не эстетичными обязанностями... Если мужа постигло горе, наши глаза дѣлаются красными отъ слезъ, лицо припухаетъ... Тутъ по неволѣ забудешь про прелесть новизны... Мужъ въ тотъ моментъ благодаренъ. Онъ чувствуетъ себя маленькимъ, беспомощнымъ, жалкимъ... Ему необходима нѣжная материнская ласка... Но знаете-ли, въ чемъ заключается главный ужасъ?.. Чѣмъ больше мужчина привязывается къ женщине, какъ къ человѣку, тѣмъ меньше онъ видитъ въ ней любовницу, способную освѣжать его воображеніе... И онъ бѣжитъ сломя голову къ другой, рискуя потерять навѣки свое установленное годами счастье... Помните поговорку: «qui ne risque, ne gagne rien»... Коля захотѣлъ выиграть и ушелъ отъ меня къ Фарновской...

Кнорышева съ трудомъ перевела дыханіе.

— Я замѣтила, что онъ сталъ не тотъ, по пустяку... Другая на это даже-бы и вниманія не обратила, но у меня отъ природы болѣзненная чуткость...

Жили мы прошлое лѣто на дачѣ, и меня послѣ обѣда укусила оса... Губы вздулись, все лицо сразу приняло другое выраженіе... И Колѣ это стало непріятно... Я видѣла по его глазамъ, что вздутая, уродливая губа вызываетъ въ немъ чувство брезгливости... Пустякъ, г. прокуроръ, не правда-ли? Но съ этого пустяка все и началось, т. е. я стала замѣчать, чего не замѣчала прежде... Коля уже не былъ, а старался

быть такимъ, какъ въ первые дни... И вотъ тутъ началась грубая отвратительная ложь.. Я притворялась незамѣчающей, онъ необыкновенно нѣжнымъ, предупредительнымъ... День за днемъ, шагъ за шагомъ, и на сцену появилась Фарновская... Умная, красивая, изящная—она сразу заняла первенствующее мѣсто въ сердцѣ Коли... Онъ продолжалъ любить меня, какъ человѣка, и боготворить Фарновскую, какъ женщину... И мы лгали другъ другу до тѣхъ поръ, пока у насъ хватало силъ, пока правда сама, противъ воли, не запросилась наружу... Я помню наше объясненіе въ мельчайшихъ подробностяхъ... Коля стоялъ у окна, я сидѣла на кушеткѣ и дѣлала видъ, что читаю книгу... Наступилъ моментъ, когда ложь вдругъ провалилась въ пропасть... Однимъ взмахомъ мы уничтожили прошлое и начали разбираться въ настоящемъ. Несмотря на весь ужасъ, оно было во сто разъ лучше лжи... Я спросила Колю прямо и откровенно: «разлюбилъ?... Совсѣмъ?»... Онъ съежился, поплѣднѣлъ и отвѣтилъ чуть слышно: «Да... Прости, если можешь!» И я простила.

Въ эту минуту мнѣ стало жалко его до боли... Такъ теряются только дѣти, уличенныя въ шалостяхъ строгимъ родителемъ. Они вытягиваютъ голову и смотрятъ на отца, стараясь не мигать, а маленькое сердце бьется учащенно и отрывисто, горло сжимаютъ спазмы. Они стараются не плакать, но слезы, противъ воли, текутъ по щекамъ, капаютъ на полъ... Такихъ только можно жалѣть, г. прокуроръ, а не карать.

И я пожалѣла.

Я пожалѣла потому, что Богъ вложилъ въ мою душу нѣжное материнское чувство.. Въ минуту признанія я не была ни женой, ни любовницей, а только матерью, страдающей за проступки горячо любимого сына... Пусть это смѣшно, сентиментально, называйте, какъ хотите... Когда дѣло идетъ о серьезныхъ вещахъ, человѣкъ въ одинъ мигъ счищаетъ съ себя кору условности и является въ настоящемъ видѣ... Одинъ искренній порывъ, одна дѣтская слеза—служитъ человѣку патентомъ на сердце... Кто не обладаетъ имъ, тотъ не заплачетъ отъ простого, искренняго вопроса... А Коля плакалъ, стоя у окна... Еслибъ вы видѣли тогда выраженіе его лица, г. прокуроръ, вы бы тоже пожалѣли...

Я готова кричать на всѣхъ перекресткахъ, что Коля убилъ Фарновскую не изъ ревности... Развѣ можно назвать ревностью совершенно обыкновенную боязнь за женщину, которая, отдавшись ему чуть-ли не съ перваго знакомства, можетъ точно также отдаться и другому?.. Вѣдь любви то въ настоящемъ фактъ не существовало, по крайней мѣрѣ, со стороны Фарновской... Угаръ, вихрь, все, что хотите, но не любовь... Коля боялся, но не ревновалъ. Эти два чувства необходимо разграничить... Ревность бываетъ предположительная, боязнь же почти всегда обоснованна. Въ первомъ случаѣ я допускаю убійство подъ вліяніемъ аффекта... Показалось что-то, кровь прилила къ головѣ... и конецъ... Но развѣ могло «что-то» показаться Колѣ, если онъ зналъ прошлое Фарновской, какъ свои пять пальцевъ? Она сама откровенно говорила, что знала до него «многихъ» мужчинъ, но что «этотъ»—последній, сыгравшій въ ея жизни роль тихой пристани... Ужасное слово, г. прокуроръ,—«последній»...

ПОСТЪ*).

(НА ТОРГАХЪ).

Галерея типовъ театральнаго рынка.

— А, Петръ Петровичъ, мое нижайшее!.. Ну, какъ дѣла?..

— Ничего, слава Богу, живемъ по маленьку.

— Расширяетесь... Городокъ приобрѣли... Хорошо, хорошо, Петръ Петровичъ, авось, когда-нибудь у васъ послужимъ... Говорятъ, вы уже набрали обѣ труппы?

— Да, почти набралъ, пустяковъ не хватаетъ, нуда это всегда успѣется: товару хоть отбавляй.

— Да, многолько... Изъ однихъ школъ поставляютъ на три труппы, да изъ любителей, что ни годъ, то покупочка, — а мы вотъ сидимъ у моря, да ждемъ погоды, совсѣмъ насъ забыли.

— Дорожитесь очень, — нельзя, по нынѣшнимъ временамъ — держи ухо востро, а то чуть переплатилъ, чуть выше смѣты — ну и закрывай лавочку... Вы комиковъ играете?

— Нѣтъ, я фатовъ...

— Мм... какъ же это вы... Фигура и лицо у васъ—настоящаго комика.

— Что вы, что вы, помилуйте, какой-же я комикъ...

— А мнѣ комикъ нуженъ.

— Комикъ!.. Гм... жаль, жаль чрезвычайно... Хотя, конечно, при желаніи, я бы могъ и комиковъ...

— Ну нѣтъ, это ужъ не то... Мнѣ надо хорошаго, настоящаго комика.

— Да, конечно, конечно. Каждый сверчокъ знай свой шестокъ...

— Ну, желаю вамъ всего хорошаго.

Тучный, миловидный антрепренеръ заложилъ ручки за спину и медленной, увѣренной походкой поплылъ дальше, подтѣлкиваемый со всѣхъ сторонъ шумящей актерской братіей, а такъ называемый, фатъ на козыхъ ножкахъ, пригладилъ свой кокъ и трепыхнулся въ сторонку, помахивая фалдочками куценкой визитки. У одного на душѣ масленица, у другого постъ.

— А, Петръ Петровичъ! — слышится дальше.

Петръ Петровичъ благосклонно киваетъ практической головкой и полусонными глазками ищетъ въ толпѣ подходящаго комика. Это антрепренеръ старой закваски, выдавшій на своемъ вѣку разные виды. Онъ безукоризненно честенъ, платитъ немного, но исправно. Любитъ на досугъ рассказывать актерамъ анекдотики, пьетъ въ трактирахъ съ пріятелями чай, а по окончаніи сезона любить кутнуть. Барышъ и убытокъ не измѣняетъ выраженіе его добродушнаго лица. Актеры къ нему относятся съ уваженіемъ. Онъ ихъ не обижаетъ. Молодежь начинающая стремится къ нему, какъ къ отцу. Въ данное время—онъ единственный антрепренеръ, отъ котораго вѣтъ чисто русскимъ гостепріимствомъ.

Труппу онъ набираетъ всегда самъ. Приѣдетъ въ Москву и плаваетъ по бюро въ тучѣ табачнаго дыма, выберетъ, что ему надо, заключить контракты, раздастъ авансики, помолится и съ Богомъ въ путь-дорогу. Многіе, послужившіе у него актеры и актрисы, вышли въ люди, служатъ въ крупныхъ городахъ, получаютъ большіе оклады и пользуются успѣхомъ. Словомъ, это пріятный человѣкъ. Зря дурного про актера онъ не скажетъ, а къ нему часто обращаются за справками относительно талантивности и поведенія того или другого ар-

тиста. Съ нимъ можно отвести душу, когда въ ней накопится много желчи противъ другихъ антрепренеровъ кулачнаго пошиба.

— А, Николай Ивановичъ, съ приѣздомъ! — баситъ громоздкій резонеръ, улыбаясь не менѣе солидному партнеру. Это тоже антрепренеръ, обслуживающій волжскій край — большой дѣлецъ. Когда-то онъ былъ весьма бѣднымъ актеромъ, игравшимъ въ Петербургѣ на клубныхъ сценахъ и въ Василеостровскомъ театрѣ, получалъ грошевое жалованье, а теперь:

— Шире, шире сторонитесь—раздавлю!

Большой дѣлецъ съ солидными капиталами!

Служить у него не плохо. Онъ платитъ исправно, но ухо держать съ нимъ надо востро. На него вліяютъ окружающіе приближенные, такъ называемые лизоблюды. И по своей неразборчивости и лѣни онъ можетъ иногда обидѣть, правда, галантно, деликатно... Въ немъ много общаго съ Сумбатовскимъ „Джентльменомъ“. Кстати, роль эта самая лучшая въ его репертуарѣ. При Николай Ивановичѣ имѣется маленькій юркій человѣчекъ, который всегда пріятно улыбается, бѣгаетъ по бюро, приторговываетъ товарецъ, гдѣ можно, прижметъ, гдѣ нельзя — подосадуетъ. Этотъ человѣчекъ мастеръ на всѣ руки и какъ онъ ни лебезитъ передъ многими, какъ ни улыбается, — ему никто не вѣритъ—всѣ съ нимъ весьма осторожны, ибо въ немъ чувствуется лудушка Головлева. Всѣ дѣла Николая Ивановича вершитъ онъ быстро и безъ убытка; иногда и самъ антрепренерствуетъ, и довольно счастливо. Вообще, это парень дошлый. Куда его ни ткни, онъ всюду привьется. Со временемъ это, конечно, — будетъ большой антрепренеръ, вродѣ самого Николая Ивановича. И если теперь сей фруктъ во многомъ не можетъ осмѣлиться, то года черезъ три-четыре, — будьте покойны, — осмѣлится.

Самъ Николай Ивановичъ, когда появляется въ Московскомъ бюро, то сидитъ за рѣшеткой и бесѣдуетъ или съ управляющимъ бюро, или съ товарищами антрепренерами, или съ милыми женщинами, противъ которыхъ ничего не имѣетъ. Когда Саша—юркій человѣчекъ, сдѣлаетъ дѣльце—заключить пять-десять контрактовъ, Николай Ивановичъ ихъ закрѣпитъ собственноручной подписью и снова изволитъ пробавляться разговорами. Лицо у него большею частью чистенькое, гладенькое, правда, нѣсколько ожирѣвшее, но отнюдь не сонное и не тупое. Мысль въ немъ чувствуется. Въ прошломъ году онъ поѣхалъ на югъ къ антрепренеру Семену Ивановичу „послужить“ режиссеромъ и актеромъ, несмотря на то, что самъ держалъ тритеатра, и, какъ многіе предполагали — поѣхалъ онъ не съ проста. Много было по этому поводу разговоровъ и, конечно, всѣ они клонились къ тому, что Николай Ивановичъ поѣхалъ на югъ — выжить студа Семена Ивановича. Такъ и случилось. Въ этомъ году — театр на югѣ за Николай Ивановичемъ. Городъ несомнѣнно, отъ этого въ барышахъ, ибо нечистоплотность Семена Ивановича — терпима въ театральномъ дѣлѣ быть не можетъ. И Николай Ивановичъ въ нѣкоторомъ родѣ, какъ ни какъ, герой сезона.

Можно съ увѣренностью сказать, что со временемъ въ его рукахъ будетъ пять-шесть городовъ, а можетъ и больше. Во всякомъ случаѣ, сей антрепренеръ идетъ въ гору, и съ нимъ считается слѣдуетъ.

П. А.

(Продолженіе будетъ).

*) См. „Сц. и Жизнь“ № 9 и 10.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЧИНЫ ДЕМОРАЛИЗАЦИИ.

Если иллюстрировать фактами падение нравственности в современном обществе, получится ряд ярких возмутительных картин, оскорбляющих простые примитивные понятия о приличии.

Кто не видал в больших городах нашего отечества, на самых бойких улицах, толпы идущих из гимназий мальчиков, раскупающих у разносчиков предлагаемые им брошюры с двусмысленными сальными заглавиями и такими рисунками на обложках, что приходится отворачивать взор и краснеть даже взрослому человеку? А целые десятки малолетних проституток, и днем, и вечером шныряющих между прохожими с наглыми предложениями, несвойственными детским устам?

Кто не читал, кроме этой уличной литературы, новейших пьес и рассказов, выпускаемых авторами реального направления, сводящими чистый лирический порыв любви на почву физиологических животных отправления?

Редкие современники не слышали, не видели или сами не участвовали в распространенных повсеместно оргиях, именуемых сеансами, где комнаты наполняются голубыми волнами дыма от зажженного кукольника, а раздетые женщины и мужчины пьют возбуждающую наркотическую снадобья и с одурманенной головой, без зазрения совести, творят невыразимые безстыдства, конкурируя между собой в извращении вкуса и натуры человеческой?

Почему же людям приходят на ум такие действия? Не есть ли это бессильный и мучительный порыв к изысканию нового невѣдомаго счастья, взамен старых, наскучивших радостей и забав?

Наука пришла к выводу, что мировую жизнь двигают две силы: голод и любовь. Потребность удовлетворения голода так же законна и сильна, как и желание любить и быть любимым каждому существу. Однако, человечество извратило эти потребности, став по отношению к ним в ложное положение. Откуда же оно явилось, в чем его причина? Проследим это более обстоятельно.

Каким путем ощущение голода могло дойти до неимения возможности удовлетворить его? „Трудящийся достоин пропитания“, и всякий, дѣлающий дѣло нужное, полезное для общества, не будет голодать, а съест простой сытный обѣд и регулирует свои расходы так, чтобы этот обѣд был у него ежедневно. Обратное,—не-

желающий трудиться, или дѣлающий не полезное дѣло, естественно, будет стѣснен в своих доходах и рискует очутиться в положении невозможности удовлетворения голода. Правда, есть люди обеспеченные в денежных доходах, имѣющие капитал или наследство,—тѣм нечего бояться быть голодными; но если и они перестают работать, производить нормальную затрату сил для возбуждения потребности питания, тогда у них является болѣзненное чувство пресыщения, ведущее за собой ненормальные желанія, извращения вкуса и порочные наклонности. Равно, как и люди необеспеченные, не имѣющие капитала и не желающие трудиться, впадают в болѣзненное озлобление зависти, ищут легких, незаконных способов добывания средств для удовлетворения чувства голода, грязнута в пороках и становятся в преступное, вредное отношение к окружающему обществу. Вот, то ложное положение, в которое попало человечество по отношению к главному мировому двигателю—голоду.

Другой двигатель жизни есть любовь. Незыблемый физический закон природы предназначил весь мир животный и растительный к спариванию, оплодотворению и производству потомства. Потребность любви—чувство естественное, физиологически неизбежное, носящее в себѣ инстинктивную цель продолжения рода. И человечество, одаренное разумом в большей степени, нежели весь животный мир, выработало сознательное отношение ко всем своим, обусловленным природой, функциям, как физическим, так и моральным, и усмотрѣло в потребности любви высший небесный дар, одѣв эту потребность свѣтлым ореолом вдохновения, поэзии, высокого порыва духа к небесам, к нездѣшнему идеалу красоты, с готовностью жертвовать жизнью, с ревнивой пламенной верностью. В этом ореоле—мощь любви, двигающая прогрессом и культурой человечества; вне этого ореола нѣтъ любви, есть животная случка, осквернение, профанация любви. И когда человек, священнодѣйствуя, вступает в этот мир райских грез, в несокрушимый вѣчный храм, святой алтарь любви, в течении всей своей жизни он сохраняет в себѣ это торжественное настроение, будет наполнен им до конца дней своих, отдыхая от всех трудов, утѣшаясь от всех невзгод у семейнаго очага своего. Но горе человеку, если он дерзкою рукой, без уважения, возьмет святой фаль любви, поставив его наравнѣ с буйными, пѣнными, вакхическими чарами: он не узнает никогда

поэзии любви, ея благотворнаго чистаго вліянія; он так же, как лѣнивый сытый, или лѣнивый голодный человек, дойдет до пресыщения, до извращения вкуса в наслаждении, и в завистливом озлоблении к счастливым, создавшим себѣ храм любви, он будет мучиться исканіем недостижимых для него чистых радостей любви, и дойдет до болѣзненной порочности, до нравственнаго жалкаго паденія. Вот каким образом человечество стало в ложныя отношенія ко второму двигателю жизни,—к любви.

Но в чем же кроется причина, создавшая это ложное отношеніе? В слабости самообладанія, в отсутствіи нравственной силы воздержанія. У современных демагогов есть убѣждение, что аскетическая проповѣдь—вещь устарѣлая, ненужная. Это невѣрно. Воздержаніе—лучшій регулятор всякаго благоразумія в поступках, в правилах гигиены и в сохранении своего достоинства. Несимпатичен всемъ воздержанный алкоголикъ, отдающій свои послѣдніе сапоги съ ногъ за рюмку водки. Все возмущается, видя, какъ труженикъ работаетъ шесть дней подрядъ, а въ воскресенье пропиваетъ весь свой заработокъ. Точно такъ же и здѣсь, въ потребностяхъ любви, благоразумное воздержаніе есть главная причина, вѣрная гарантія, чтобы человечество не стало в ложное, описанное выше положеніе.

Вырабатывается эта сила воздержанія умѣлымъ воспитаніемъ съ дѣтства, развитіемъ способности критиковать свои желанія и не ронять своего внутренняго достоинства никакимъ лживымъ и тайнымъ проступкомъ. Съ дѣтскаго возраста должна быть внушаема твердая воля характера, оберегающая честь отъ всякаго неблагороднаго желанія и помысла.

И, говоря по правдѣ, не у всехъ родителей и не во всехъ учебныхъ заведеніяхъ воспитываются дѣти в такомъ разумномъ, благородномъ направленіи. Надо ли повторять извѣстные всемъ, старые дефекты воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ и частныхъ пансіонахъ, гдѣ до сихъ поръ гнѣзятся пагубные, всевозможные пороки, убивающіе въ подрастающемъ поколѣнии волю, дарованія, способности и нравственную чистоту?

Искалѣченные подобнымъ воспитаніемъ, дѣти вырастаютъ недоучками, неспособными къ здоровому взгляду на обязанности гражданина, съ расшатанными нервами и слабой волей, рабы своихъ страстей, у которыхъ животныя потребности сильнѣе проявленія духа. И вырастаютъ такіе люди

не одинъ, не два десятка, а цѣлое поколѣніе, которое выступаетъ дѣятелями на общественную арену... И что-же въ результатъ? Безпринципность, безидейность, безвѣріе въ свои силы и работы, нравственное убожество, половая распущенность, алкоголизмъ, увлеченіе модными политическими утопіями, неприложимыми къ дѣйствительной жизни, мучительное сомнѣніе въ цѣляхъ существованія, исканіе забвенія отъ этой муки въ непотребныхъ оргіяхъ, въ развратѣ, въ карточномъ азартѣ, въ хищныхъ аферахъ и въ шантажѣ, нерѣдко и въ самоубійствѣ.

Не совершенно воспитаніе у педагоговъ и родителей, положимъ такъ; но есть надежда, вѣдь, на вліяніе литературы, на ея огромное облагораживающее значеніе. Литература, пресса должна выручить, спасти: она—хранительница завѣтовъ мудрости, высокихъ идеаловъ, она руководительница трезвого общественного мнѣнія,—и, вотъ, что видимъ мы въ свихнувшейся, новой литературѣ: грубый бравирующий реализмъ, опошляющій чистую, возвышенную мысль, бездарное декадентство, убивающее чувство изящнаго, пошлость открытаго нахальства, издѣвательство надо всѣмъ святымъ и чистымъ, грязное сало порнографіи, низводящее человѣчество на низкую ступень скотоподобія.

Не мудрено, если съ такою подготовкой вырастаетъ ошалѣвшее, безстыжее, деморализованное, нравственно-больное поколѣніе.

Н. Ратомскій.

ПАРАДОКСЫ.

Черезъ всю жизнь человѣчества яркой полосой проходитъ одна основная черта—самоограниченіе. Самоограниченіе есть сущность морали и права. Самоограниченіе вызывается то идеею государства (напр., въ Римѣ), поглощающей все остальное, то религіознымъ экстазомъ (напр., въ эпоху крестовыхъ походовъ), то представлениемъ о нравственномъ долгѣ и т. д. Вся жизнь человѣчества, казалось, сводилась къ тому, чтобы постоянно приносить жертвы во имя религіи, государства, семьи, друзей и пр.

Характеръ самоограниченія измѣнчивъ соотвѣтственно различнымъ побужденіямъ, во имя которыхъ совершается ограниченіе личныхъ „я“. Одни обрекаютъ себя на лишенія изъ высшихъ соображеній, другіе—въ интересахъ низшихъ. Къ послѣднимъ относятся самоограниченія во имя семьи, близкихъ людей и даже—отдѣльной личности. Тѣ и другіе, разумѣется, страдали, ибо всякое лишеніе есть, въ сущности, источникъ страданія. Страданія первыхъ, такъ сказать, очищали ихъ, дѣлали героями и кумирами толпы. Страданія другихъ въ итогѣ давали успокоеніе и примиреніе съ окружающимъ. Въ обоихъ случаяхъ, самоограниченіе, въ концѣ концовъ, приводитъ къ довольству, т. е. къ чему-то очень близкому къ счастью.

Если справедливо, что экономія есть законъ жизни, то слѣдуетъ признать, что съ одного вола не дерутъ двухъ шкуръ, и что тѣ, которые ограничили себя во имя высшихъ идеаловъ, уже заплатили дань самоограниченію, и потому иногда слишкомъ жестоко требовать отъ нихъ самоограниченія въ той сферѣ частной жизни, которая не касается государства и общества. И точно, исторія свидѣтельствуетъ, что эти люди часто дѣлали то, что хотѣли, и позволяли себѣ много такого, о чемъ обыкновенный человѣкъ не смѣлъ думать. Алкивиадъ „хоталъ надъ мудрецами и безумными глазами на безумную глядѣль“. Сократъ и П-

рикль, Гете и Гейне, Байронъ и Вольтеръ, Жоржъ Зандъ и Альфредъ Мюссе—нужно ли перечислять еще?... На всѣ эксцессы ихъ частной жизни мы смотримъ снисходительно потому, что они слишкомъ много жертвовали своими интересами ради высшихъ цѣлей. Если бы еще и частную жизнь ихъ мы связали по рукамъ и ногамъ, тогда не только цѣль и смыслъ ихъ жизни, но и всякій шагъ, всякое дыханіе, всякое помысленіе—все было бы подчинено намъ, и они ходили, думали, какъ хочется намъ, или что одно и то же—какъ предписываетъ созданная нами мораль.

Нашъ взгядъ мгновенно измѣнился бы, если-бы тѣ же грѣшки позволили себѣ, нудопустимъ, герои поэзіи, какъ Ромео („Ромео и Джульетта“) или Фердинандъ („Коварство и любовь“), то мы стали бы ихъ считать людьми безъ чести, убѣжденій, нравственныхъ устоевъ и пр. и пр. Для Фердинанда и Ромео вся жизнь сводилась къ поклоненію женщинѣ и любви къ ней. Любовь была для нихъ своего рода культомъ, и притомъ единственнымъ, которому они поклонялись и во имя которого приносили жертвы, т. е. совершали акты самоограниченія и даже самоотреченія. Для нихъ „наука страсти нѣжной“ была не случайнымъ времяпрепровожденіемъ, а такъ сказать,—профессиональнымъ занятіемъ, ибо больше имъ и дѣлать было нечего. Крестьяне и рабы „въ потѣ лица своего“ добывали имъ не только хлѣбъ насущный, но и тѣ предметы роскоши, которые шли на украшеніе все того же идола любви.

Исторія женщины есть исторія ея самоограниченія во имя семьи.

Цѣль ея жизни и весь смыслъ ея существованія съ незапамятныхъ временъ сводился къ этому служенію и лишеніемъ во имя его. Въ античномъ мірѣ женщину принуждали къ этому. Міръ христіанства, если и не принесъ ей освобожденія, то все же, далъ облегченіе въ отношеніи свободы выбора того, кому она должна быть „вѣкъ вѣрна“. Съ этого времени женщина изъ подневольнаго слуги обращается въ добровольнаго, изъ рабыни—въ фаворитку. Культъ любви вознаграждалъ теперь ее за непрерывныя нравственныя и физическія лишенія, которыя она претерпѣвала во имя семьи. Но опять-таки въ кругѣ, строго ограниченномъ семьею, она должна искать и свое назначеніе и свое счастье.

Большаго женщина и сама не требовала долгое время. Да и не могла она требовать, ибо и не знала другой жизни. Она долгие вѣка боялась высунуть носъ за порогъ, ибо—кто знаетъ?—можетъ, быть тамъ еще хуже, лучше хранить то, что имѣешь, чѣмъ потерять и это, а потомъ вѣкъ плакаться.

Материнскъ въ одной изъ своихъ драматическихъ сказокъ очень удачно изобразилъ этотъ женскій страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Въ мрачномъ подземельи свирѣпаго Синяго Борода томятся долгие годы пять его прекрасныхъ женъ. Было время, когда Синяя Борода ихъ безумно любилъ, но время то безвозвратно миновало. Теперь онъ любитъ красавицу Аріанну, болѣе рѣшительную и знающую женщинъ лучше, чѣмъ ея предшественницы. Движимая чувствомъ состраданія, она пробирается въ подземелье, чтобы освободить узницъ и съ ними вмѣстѣ бѣжать. Случайно у нея тухнетъ свѣтъ и она хочетъ открыть окно. Но узницы ее умоляютъ не дѣлать этого, ибо онѣ боятся, что къ нимъ ворвется море, глухой шумъ котораго слышится издалека. Онѣ предпочитаютъ

лучше жить такъ, чѣмъ рисковать. Но этого мало, озлобленный народъ вскорѣ покоряетъ Синюю Бороду и провозглашаетъ царицей Аріанну. Первымъ ея дѣломъ является освобожденіе узницъ, что удается только послѣ долгихъ переговоровъ. Она имъ предлагаетъ вмѣсто тьмы—свѣтъ, вмѣсто угнетенія—свободу, вмѣсто смерти—жизнь и счастье. Но онѣ колеблются. Не бѣда, что имъ здѣсь живется дурно. Да и что значить „дурно“? Если лучше, по французской пословицѣ, врагъ хорошаго, то дурное, быть можетъ врагъ худшаго...

Вл. Линскій.

ОБЪ УЧЕНИЧЕСКИХЪ СПЕКТАКЛЯХЪ.

Постъ—время ученическихъ спектаклей. Экзаменуются учащіеся на казенныхъ и частныхъ сценахъ. Всѣ, побывавшіе на этихъ спектакляхъ, сходятся въ одномъ: женскій персоналъ учащихся какъ будто болѣе подготовленъ, чѣмъ мужской. И такъ не одинъ нынѣшній сезонъ. То же замѣчалось и въ прошлые годы. Предъ нами, очевидно, не случайное явленіе, а такъ сказать, хроническое. Въ чемъ его причины?

Среди театраловъ существуетъ мнѣніе, что русская актриса въ массѣ интеллигентнѣе, чѣмъ русскій актеръ. Пожалуй, это вѣрно, но едва ли это относится къ драматической школѣ. Если большинство ученицъ съ гимназическимъ образованіемъ, то и среди учениковъ немало студентовъ. На однихъ курсахъ обучался даже инженеръ. Нѣтъ, дѣло не въ этомъ...

Думается, что истинная причина кроется въ самомъ характерѣ женщины, въ ея душевномъ и умственномъ строѣ и складѣ. Женщина аккуратнѣе, трудолюбивѣе, послушнѣе... Въ женскихъ гимназіяхъ неуспѣшныя ученицы—рѣдкость, тогда какъ въ мужскихъ неуспѣвающихъ—хоть отбавляй. «Учиться хорошо» для дѣвушки то же, что «одѣваться хорошо».

Мнѣ сейчасъ припоминается діалогъ между Болеттой и Линчстрандомъ въ ибсеновской «Женщинѣ съ моря».

Линч. Вы и рисовать умѣете?

Болетта. О да, если передо мной лежитъ модель...

Линч. А иначе нѣтъ?.. Это не настоящее искусство.

Болетта. Да,—это скорѣе, какъ сказать, ловкость руки!..

Это можно поставить эпиграфомъ на дипломахъ, получаемыхъ ученицами драматическихъ курсовъ. Пока передъ ней находится «модель»-профессоръ,—она рабски и съ превеликимъ усердіемъ его копируетъ.

Линчстрандъ далѣе говоритъ: «Вы могли бы, быть можетъ, научиться, даже безъ способностей, если бы вы всегда находились вмѣстѣ съ талантливымъ художникомъ». Такая работа, точно, зависитъ отъ «ловкости рукъ» и прилежанія. «А не можетъ ли,—спрашиваетъ Болетта,—жена перетянуть къ себѣ мужа, т. е. онъ станетъ походить на нее?» «Да вѣдь у мужчины,—отвѣчаетъ Линчстрандъ,—есть въ жизни призваніе. Это-то и дѣлаетъ его такимъ твердымъ и сильнымъ».

Между школьнымъ «руководльемъ» и сценическимъ творчествомъ—огромная разница. Вотъ чѣмъ объясняется, что такъ много «отличныхъ ученицъ», и такъ мало хорошихъ артистокъ.

Вы скажете, что и актеровъ хорошихъ мало. Согласенъ. Но вѣдь они и въ школѣ сидятъ гдѣ-то на заднихъ партахъ, — на «островѣ Эзелѣ», какъ острятъ гимназисты.

Вл. Вакулинъ.

Подготовка актера*).

II.

Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, что я говорилъ въ первой главѣ о лицѣ актера. Оно также не должно имѣть рѣзко выдающихся отдѣльных чертъ, иначе у него не будетъ способности видоизмѣняться.

Актеръ не долженъ двигаться ни чопорно, ни жеманно, но также и не распушенно.

Отчасти онъ долженъ воспользоваться военной выправкой: держать голову вверхъ, грудь впередъ, животъ втянутымъ внутрь; центр тяжести полагать не на пятку, а на подошву ноги и при движеніи слегка наклонять туловище впередъ. Вотъ походка, въ которой актеръ долженъ ежедневно упражняться. Онъ укрѣпитъ этимъ тѣло и умертвитъ въ зародышѣ всякую возникающую манерность. При этомъ пусть юноша привыкаетъ какъ можно непринужденнѣе держать руки. Плотнo прижимать ихъ къ бедрамъ—столь же нехорошо, какъ постоянно размахивать ими взадъ и впередъ. Умѣренность въ движеніяхъ рукъ и пальцевъ должна какъ можно настойчивѣе рекомендоваться ученику. Чѣмъ бережливѣе онъ будетъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ выразительнѣе станутъ немногіе жесты, принимаемые имъ на сценѣ. Забрать въ руки свои руки,—это трудная и по большей части недостаточно оцѣниваемая задача. Чтобы ее выполнить, пусть ученикъ сначала устранить всѣ вспомогательныя средства, которыя могутъ скрывать его недостатки.

Къ этимъ вспомогательнымъ средствамъ принадлежатъ: тросточка, карманы въ платьѣ и носовой платокъ. Начинаящій актеръ не долженъ носить, ходя по улицѣ какіе-нибудь предметы. Надо, чтобы его руки были, по возможности, ничѣмъ не заняты; иначе онъ не сдѣлается господиномъ своихъ движеній. Если какая-нибудь дама на сценѣ безпрестанно теребитъ свой кружевной платокъ или нервно вертитъ его вокругъ пальцевъ, такъ можно навѣрное сказать, что это лишь замысловатый маневръ, чтобы скрыть недостаточную власть артистки надъ своимъ тѣломъ. Отберите у нея носовой платокъ, и она не будетъ знать, что дѣлать со своими десятью пальцами. Актеръ, который на репетиціи прячетъ руки въ карманы, показываетъ лишь, что онъ не въ состояніи держать ихъ свободно, и тогда лишь приводитъ ихъ въ дѣйствіе, когда наплывъ внутренняго чувства потребуетъ и выразительнаго жеста.

Актеръ, который имѣетъ привычку весь день ходить съ тросточкой, невольно будетъ чувствовать что ему не хватаетъ ея на сценѣ, и это чувство будетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣснять свободу его жестовъ.

Когда-же исполнитель постояннымъ внимательнымъ наблюденіемъ и твердостью воли совершенно подчинитъ себѣ движенія рукъ, тогда онъ долженъ обратить внима-

ніе на то, чтобы по возможности избѣгать равномерности этихъ движеній.

Опускание обѣихъ рукъ или одновременное вздыманье ихъ къ небу, всегда будетъ чѣмъ-то некрасивымъ и монотоннымъ. Только въ сильнѣйшемъ аффектѣ примѣняются подобныя, одновременныя движенія.

Если актеру приходится изображать какое-нибудь лицо, принадлежащее къ высшему кругу, которое должно выдѣляться изящными, сдержанными манерами, тогда ему слѣдуетъ соблюдать извѣстныя правила, когда онъ ходитъ и когда садится. Если, напримѣръ, къ исполнителю обратятся съ правой стороны и онъ захочетъ повернуться къ собесѣднику, тогда слѣдуетъ оставить голову неподвижной и сначала лишь отставить назадъ правую ногу; туловище послѣдуетъ тогда само собой за поворотомъ, но вся фигура сохранитъ что-то высокoмѣрное, исполненное собственнаго достоинства.

Если исполнитель такой особы долженъ сѣсть въ кресло, или на скамейку, тогда ему слѣдуетъ вплотную приблизиться къ этой мебели такъ, чтобы касаться ее даже икрами, и тогда только медленно опуститься не оборачивая головы и не наклоняя впередъ туловища. Отнюдь не слѣдуетъ при этомъ раздвигать полы своего сюртука, — что имѣетъ некрасивый видъ.

Для благородства внѣшнихъ движеній также немало значитъ, какъ исполнитель беретъ какой-нибудь предметъ со стола или кладетъ его обратно. Неловкій челоѣкъ далеко протянетъ руку и весь перегнется впередъ или на бокъ, доставая шляпу или книгу, но челоѣкъ съ изящными манерами близко подойдетъ къ столу и возьметъ предметъ сдержаннымъ движеніемъ руки, не измѣняя положенія туловища. Точно также и поклонъ показываетъ степень благовоспитанности челоѣка. Челоѣкъ плохо воспитанный, кланяется, разставя ноги, и устремляя весь корпусъ впередъ, поясницу-же держа на отлетѣ; такой способъ подходитъ на сценѣ для простоватыхъ или неотесанныхъ людей, вообще для комическаго эффекта. Вообще-же поклонъ долженъ намѣчаться лишь одной головой, безъ сочувственныхъ движеній остальнаго тѣла. Ноги слѣдуетъ сложить вмѣстѣ, вытянутыя самому въ струнку и затѣмъ склонить голову; чѣмъ ниже и продолжительнѣе это склоненіе, тѣмъ больше въ немъ почтительности. Неловкій челоѣкъ наклоняетъ голову еще не снявъ шляпу, челоѣкъ-же воспитанный сначала сниметъ шляпу, и затѣмъ склонитъ голову, обративъ взглядъ на лицо, которому отдается поклонъ.

Мимика. Мѣняющееся выраженіе лица у каждаго большого сценическаго таланта вытекаетъ непосредственно изъ самого чувствованія.

Ненависть, гнѣвъ, любовь, страхъ, надежда, скорбь и страданіе—словомъ, всевозможнѣйшія движенія души сами собою отражаются на лицѣ прирожденнаго артиста, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ съ пыломъ страсти; ему не приходится думать въ

такія мгновенія: «какимъ образомъ ты долженъ вытянуть или сморщить лицо, чтобы дать вѣрное выраженіе?»

Конрадъ Экгофъ выразился такъ объ Ангелѣ, написавшемъ подробную книгу о мимикѣ. «Уходите отъ меня съ этимъ философomъ, который хочетъ учить насъ, артистовъ, какую фізіономію мы должны скроить при томъ или другомъ чувствѣ... Истинному артисту не зачѣмъ учиться этому!»

Великій художникъ сцены былъ совершенно правъ по отношенію къ своему дарованію и ко всѣмъ богато-одареннымъ природнымъ талантамъ, но какъ я уже говорилъ, мы нуждаемся и въ менѣе одаренныхъ вторыхъ и третьихъ силахъ. Для этихъ-то весьма цѣлесообразно прилежаніемъ и внимательнымъ соблюденіемъ техническихъ правилъ усвоить себѣ, въ скромной мѣрѣ, то, что природа кладетъ прямо въ колыбель, какъ подарокъ, гениальному исполнителю.

Брови, глаза и ротъ главнымъ образомъ участвуютъ въ мимикѣ; лобъ и носъ очень мало, уши и подбородокъ совсѣмъ безучастны.

Въ бровяхъ заключена сердцевина мимики; весьма ошибаются, когда думаютъ, что только глаза имѣютъ самостоятельный языкъ. Глазное яблоко пріобрѣтаетъ свою выразительность лишь при участіи вѣкъ и бровей, и высшаго мимическаго краснорѣчія достигаетъ не иначе, какъ прибѣгая къ подержкѣ губъ и угловъ рта.

Если исполнитель хочетъ придать лицу страдальческое, скорбное выраженіе, то онъ долженъ стянуть брови къ переносью и затѣмъ поднять ихъ, полузакрывъ въ то-же время глаза и направивъ взоръ вверхъ.

Чтобы сообщить лицу гнѣвное, полное ненависти выраженіе, нужно также стянуть брови, но затѣмъ глубоко опустить ихъ надъ главною впадиною; изумленіе и восхищеніе выражается поднятіемъ бровей вверхъ и широко-раскрытыми глазами.

Подстерегающее, коварное выраженіе получается на лицѣ, когда брови стягиваются, глаза полузакрываются и взоръ отводится въ сторону.

Положеніе рта должно подчеркивать всѣ эти душевныя чувствованія, когда они явно вырываются наружу. При ощущеніи скорби и страданій углы рта опускаются, при гнѣвѣ губы плотно сжимаются вмѣстѣ; чтобы выразить ненависть, нужно широко раздвинуть губы и полураскрыть ротъ; при изумленіи и восхищеніи ротъ совсѣмъ широко раскрывается. Насмѣшка и презрѣніе скользитъ по лицу, когда верхняя губа изгибается и поджимается вверхъ, а нижняя отвисаетъ, такъ-что обнаруживается нижній рядъ зубовъ.

Чтобы усилить коварное выраженіе глазъ, надо заострить губы, какъ бы при насвистываніи.

Однимъ словомъ, глаза и ротъ неразлучные спутники, если только мимика артиста стремится быть сильной и краснорѣчивой.

Эрнестъ Поссартъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* См. „Сц. и Жизнь“ № 10.

1) Открытіе сѣзда режиссеровъ состоится 16 марта въ 1 ч. дня въ помѣщеніи Литературно-художественнаго кружка.

2) Сѣздъ разрѣшенъ съ тѣмъ, чтобы на немъ не присутствовали лица іудейскаго вѣроисповѣданія, неимѣющіе права жительства въ Москвѣ.

3) Сѣздъ обѣщаетъ быть интенсивнымъ и интереснымъ, судя по тѣмъ собесѣдованіямъ, рядъ которыхъ провело Организационное Бюро сѣзда и тѣмъ докладамъ, которые уже имѣются въ распоряженіи Сѣзда.

Въ минувшемъ зимнемъ сезонѣ Союзомъ были организованы два товарищества на пожертвованные для этой цѣли г-жею Бларамберъ 300 руб. и собранные путемъ подписки паи въ суммѣ 110 руб.

Идя на встрѣчу такому благу начинанію и на помощь молодому Союзу, и видя въ союзныхъ товарищескихъ предпріятіяхъ единственный правильный выходъ отъ постоянной зависимости актерской массы отъ частныхъ предпринимателей и могущій служить лишь дѣйствительному улучшенію не только матеріальнаго благосостоянія актера, но и вообще театральнаго искусства и сцены, Редакція обращается къ лицамъ, сочувствующимъ театру и его служителямъ съ просьбою придти на помощь этимъ начинаніямъ и усилить посильными добровольными пожертвованіями фондъ Союза для веденія собственныхъ предпріятій.

Съ этой цѣлью Редакція открываетъ мѣсто въ своемъ журналѣ не только для печатанія именъ жертвователей, но и для различныхъ мнѣній по этому вопросу.

Всѣ поступившія деньги будутъ переданы Ц. Правленію Всеросс.-Союза Сценич. Дѣятелей, какъ специальный фондъ для организации и эксплуатаціи своихъ товарищескихъ театральнахъ предпріятій. **Ред.**

Сѣздъ режиссеровъ въ Москвѣ на четвертой недѣлѣ Великаго поста Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ разрѣшенъ.

Еще получены заявленія о желаніи участвовать въ сѣздѣ отъ Е. Л. Бертонова, В. К. Божавскаго, В. С. Тютюникъ, Ф. І. Саламатова, Н. Т. Юмашева, Ф. К. Лазарева, отъ Грузинск. Драматич. О-ва г. Канчели.

Къ гастролямъ В. Ф. Комиссаржевской въ Америкъ.

Намъ сообщаютъ, что гастроли труппы Кимиссаржевской идутъ весьма печально. Антрепренеръ, предложившій В. Ф. поѣздки, нѣкто г. Орловъ, оказался безъ всякихъ средствъ. Денегъ хватило только для поѣздки до Варшавы. Въ Варшавѣ труппа осталась уже безъ копѣйки денегъ. Нѣскольکو спектаклей въ Варшавѣ дали возможность доѣхать до Гамбурга и сѣсть на пароходъ. По пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ труппа размѣстилась въ захудалой третьеклассной гостинницѣ, гдѣ въ чаяніи колоссальныхъ сборовъ, ей отпускали обѣды и ужины въ кредитъ. Первая гастроль («Гедда Габлеръ») собрала $\frac{2}{3}$ зала публики. На второй спектакль только $\frac{1}{3}$ мѣстъ была занята публикой. Дальнѣйшіе спектакли проходили при пустомъ почти зрительномъ залѣ.

Сборовъ — никакихъ. Труппа сидитъ безъ денегъ. За гостинницу не уплачено. Положеніе критическое. Въ Петербургѣ нѣсколькими частными лицами получены телеграммы отчаяннаго содержанія. Нѣтъ возможности выѣхать. О дальнѣйшихъ спектакляхъ думать также не приходится, т. к. они проходятъ при сборахъ, не покрывающихъ расходы на освѣщеніе. В. Ф. Комиссаржевская и антрепренеръ труппы, г. Орловъ терпѣливо несутъ вмѣстѣ съ труппою всѣ лишенія.

И. Н. Потапенко предъявилъ въ спб. окр. судѣ искъ къ литературно-художественному обществу о внесеніи въ кассу конкурсной массы авторскаго гонорара, причитающагося г. Потапенко за постановку его

последней пьесы «Жить можно» на сценѣ Малаго театра.

Междувѣдомственной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ Н. Н. Покровскаго, рассматривающей положеніе о государственномъ налогѣ, рѣшено привлечь къ промысловому обложенію театры, за исключеніемъ Императорскихъ, образовательные музеи и картинныя выставки, если только въ нихъ взимается входная плата.

Въ Москвѣ 3 марта въ епархіальномъ домѣ преосв. Анастасій, епископъ серпуховскій, предложилъ чтеніе на тему «Религіозные мотивы въ современной литературѣ и искусствѣ».

Въ своей бесѣдѣ епископъ, говоря о Леонидѣ Андреевѣ, Мережковскомъ и Свѣнцикомъ, сказалъ, что считаетъ книгу «Антихристъ» замѣчательнымъ произведеніемъ. По мнѣнію преосв. Анастасія, коренная ошибка новѣйшихъ учителей жизни въ томъ, что они пытаются привить неохристіанскія тенденціи къ обществу, а не къ человѣку, какъ индивидууму. Толстой ближе къ истинѣ, утверждая, что путь къ христіанскому возрожденію пролагается черезъ воспитаніе христіанской личности.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ. „Среди цвѣтовъ“.

„Новая“ пьеса Зудермана, поставленная въ 1-й разъ на императорской сценѣ, появилась въ репертуарѣ петербургскаго Малаго театра еще два года тому назадъ. Зудерманъ, всегда склонный къ морализированію, и въ этой пьесѣ проводитъ строго опредѣленный тезисъ практической этики. „Среди цвѣтовъ“ — горячая апологія понятія о долгѣ и обязанностяхъ, апологія разумной трудовой жизни противъ современной эпидеміи разнузданнаго и чувственнаго себелюбія, охотно драпирующагося въ пестрый плащъ изъ лоскутьевъ нищенской и эпикурейской философіи. Носительницей этого моднаго культа въ пьесѣ является какая-то баронесса. Всю жизнь она покло-

нялась и приносила жертвы лишь одному божеству—своему личному „я“, его наслаждению и его спокойствию. Для нея жизнь—это былъ вѣчный праздникъ, пріятная прогулка „среди цвѣтовъ“, удовольствій и наслаждений. И только на склонѣ лѣтъ, нѣсколько утомленная „праздникомъ жизни“, она ищетъ себѣ нравственного удовлетворенія въ томъ, чтобы пріобщить къ этому празднику своихъ дочерей.

Написана пьеса живо, ее можно смотреть съ интересомъ, но въ Александринскомъ театрѣ разыграна она была весьма слабо. Главную роль—Теа—одной изъ дочерей баронессы исполняла г-жа Ведринская. Артистка, очевидно, не захотѣла отнестись серьезно къ роли и не дала цѣльнаго образа. Слабѣе проведены были первыя дѣйствія. Изящнаго кокетливаго „сорванца“, какимъ является здѣсь Теа, не видно было. Болѣе удалась г-жѣ Ведринской сцены послѣднихъ актовъ, гдѣ передъ глазами зрителей раскрывается мучительное перерожденіе молодой души. Г. Апполонскій игралъ шаблонно. Нѣкотораго вниманія, пожалуй, заслуживаютъ г.г. Петровский, Юрьевъ и Брагинъ. Объ остальныхъ лучше умолчать. Богъ съ ними! Недоумѣваемъ только, для чего при такомъ отношеніи къ дѣлу понадобилась ставить эту пьесу.

Театраль.

Для шестого экзаменаціоннаго спектакля класса Ю. О. Озаровскаго были поставлены «Роза» Зудермана и «Искры пожара» Гр. Ге. Въ драматической миниатюрѣ «Искры пожара» экзаменовалась г-жа Вадовская. Олицетвореніе молодой взбалмошной петербургской сановницы, попавшей въ глухую Сибирь и испробующей вліяніе своихъ чаръ на начальника мѣстнаго полустанка, совсѣмъ не удалась молодой артисткѣ. Зато цѣльный типичный образъ создалъ въ роли начальника г. Всеволодскій. Въ первой части тетралогіи Зудермана, въ драмѣ «Полосы свѣта» экзаменовалась г-жа Тиме. Юная артистка произвела очень выгодное впечатлѣніе въ роли Юліи.

Роль эта чрезвычайно трудна, въ ней много рѣзкихъ переходовъ, съ которыми г-жа Тиме довольно удачно справилась. Эффектная сценическая внѣшность помогла артисткѣ создать Юлію вполне соответствующую образу нарисованному авторомъ. Довольно благоприятное впечатлѣніе производилъ въ роли Виттиха г. Всеволодскій. Вторая часть тетралогіи, комедія «Марго», прошла довольно блѣдно. Экзаменовавшаяся здѣсь г-жа Баркалова ничего не сдѣлала сдѣлать изъ роли Марго. Не менѣе безцѣльны были и другіе исполнители, кромѣ г-жи Мансвтовой (фрау фонъ Ибургъ), у которой встрѣчались недурные моменты. Превосходно прошла четвертая часть тетралогіи, комедія «Далекая принцесса». Здѣсь экзаменовались г-жа Вертеръ и г. Рустумовъ. Очень хороша была г-жа Вертеръ въ роли принцессы. Юная артистка показала, что изъ нея со временемъ можетъ выработаться хорошая артистка на салонныя роли, лишь голосъ ея слабъ. Хорошо провелъ роль Фрица Штрюбель г. Рустумовъ, только въ началѣ пьесы онъ переигрывалъ. Похвалы заслуживаетъ также г-жа Мансвтова, очень милая служанка. Остальные исполнители впадали слегка въ шаржъ, но все же пьеса была разыграна въ надлежащемъ темпѣ и оставила хорошее впечатлѣніе.

Б-нѣ.

3-й экзаменаціонный спектакль учащихся на курсахъ Поллакъ, драматическаго класса А. А. Санина (III курсъ) состоялся въ понедельникъ, 10-го марта, въ театрѣ „Комедія“.

Спектакль начался съ премилой вещицы г. Зудермана „Фрицхенъ“, очень хорошо разыгранной ученицей Свѣтловой (Агнесса) и учениками: Реутовымъ (фонъ-Дроссе), Ростовцевымъ (Фритцъ), Соболевымъ (поручикъ, товарищъ Фритца) и арт. Сазоновымъ (въ роли слуги). Артистка Гаврилова, исполняя роль жены фонъ-Дроссе была нѣсколько мелодраматична, но потомъ вошла въ роль.

Сцены изъ второго акта „Ромео и Джульетта“ намъ менѣе понравились, т. к. исполнители, уч-ца Свѣтлова (Джульетта) и уч-къ Ростовцевъ, хотя и провели свой роли въ достаточно вѣрномъ тонѣ, но дикція у нихъ была не достаточно ясна и окончательные слоги порою совсѣмъ не слышны.

Положительно прекрасно прошла Чириковская пьеса „На дворѣ, во флигелѣ“ проведенная въ Чеховскихъ тонахъ.

Уч-ца Ларина дала вѣрный, правдивый образъ забитаго, примиреннаго съ судьбою, существа (Глафира Павловна).

Уч-ца Свѣтлова также хорошо провела роль дѣвушки (Дуня), ищущей „кусочка счастья“ и нашедшей его въ лицѣ хориста (уч-къ Соболевъ). Соболевъ въ роли побѣдителя сердце, если-бъ, мѣстами, не шаржировалъ, что нѣсколько пертило общій фонъ пьесы, далъ довольно вѣрный типъ хориста.

Два чиновника (благодарныя, но трудныя роли) въ исполненіи артистовъ Свиридова (не совсѣмъ удачная имитация пьянаго) и Сазонова мѣстами доставляли удовольствие; въ особенности игра г. Сазонова.

Вполнѣ удовлетворительна было „Капиталина“—уч-ца Владимірова. Артистка Гаврилова дала замѣчательно вѣрный образъ „бабушки“. Эффектны паузы. Цѣльное впечатлѣніе отъ этой пьесы очень и очень хорошее.

Драматическая хроника (5-я картина) Островскаго намъ не особенно понравилась.

Уч-къ Соболевъ, благодаря неудачному гриму и улыбкѣ, не покидавшей его все время, не произвелъ достаточнаго впечатлѣнія. Царица Марѳа (уч-ца Владимірова) также не особенно удовлетворила насъ.

Въ заключеніе шли „Стѣны“ Найденова (3 акты). Хороши были:—Реутовъ (учитель гимназіи въ отставкѣ), Соболевъ (Сусловъ) очень хорошо справился со своею ролью. Хороши были—уч-ца Владимірова и Валевская.

Уч-ца Ларина (бѣлошвейка) намъ не совсѣмъ понравилась.

Общее впечатлѣніе отъ спектакля превосходное. Чувствуется умѣлая рука А. А. Санина, показавшаго себя серьезнымъ преподавателемъ.

5 марта въ Большомъ залѣ Консерваторіи состоялся концертъ молодого скрипача Іосифа Ахрона.

Это одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ учениковъ профессора Ауэра, окончившій курсъ года три тому назадъ.

Концертъ привлекъ не очень много слушателей, но въ художественномъ отношеніи прошелъ довольно удачно.

Іосифъ Ахронъ—способный и музыкальный артистъ, успѣвшій уже самъ написать нѣсколько произведеній, въ которыхъ обнаруживаетъ также присутствіе композиторскаго дарованія.

Г. Ахронъ исполнилъ концертъ Чайковскаго, Fileuse—Пропера-Ауэра, Romanse—

Свендсена, Rondo capriccioso—Сенъ Санса (подъ аккомпаниментъ оркестра), Solo для скрипки Burree—Баха и 2 произведенія собственнаго сочиненія (Prelude и Coquetterie).

Игра его особеннаго захватывающаго впечатлѣнія на слушателей не произвела, но за то отличается благородствомъ и изяществомъ.

Техникою игры г. Ахронъ владѣетъ хорошо, легко и довольно свободно преодолеваетъ всякія трудности, тонъ же его не вездѣ вполне удовлетворяетъ.

Красивый и пріятный, онъ не особенно большою, даже слабоватымъ.

Звукамъ, которые г. Ахронъ съ большимъ успѣхомъ извлекаетъ изъ своего инструмента, порой недостаетъ силы, здоровья, бодрости. Горячаго, истинно-нервнаго темперамента онъ не проявляетъ.

Впрочемъ это, быть можетъ, объясняется индивидуальною особенностью физической организаціи концертанта. Хрупкость, чуть ли не болѣзненность сложенія и печальное, сумрачное лицо его невольно обращаетъ на себя вниманіе слушателей. Очевидно, г. Ахрону стоитъ лишь окрѣпнуть, и тогда его игра сможетъ производить болѣе сильное, болѣе цѣльное впечатлѣніе.

У публики артистъ имѣлъ успѣхъ, и ему много и весьма сердечно аплодировали.

Въ концертѣ участвовалъ оркестръ графа Шереметева подъ управленіемъ А. К. Глазунова который, по обыкновенію, съ громаднымъ успѣхомъ сыгралъ свои прекрасныя произведенія: „Торжественную увертюру“ и извѣстную „Зиму“ изъ балета „Времена года“.

Моро.

Литература о Н. Н. Брешко-Брешковскомъ.

(Нѣсколько теплыхъ словъ).

...Видна большая опытность въ г-жѣ Зелинской (Послѣдній визитъ) и невѣрный тонъ у г-жи Нестеровой.

Б. (Бирж. Вѣд.).

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

...Въ рецензіи г. Б.... сказано, между прочимъ: „Видна большая опытность въ г-жѣ Зелинской („Послѣдній визитъ“) и невѣрный тонъ у г-жи Нестеровой“. Не откажите констатировать, что по болѣзни г-жи Зелинской „Послѣдній визитъ“ не шелъ, и ни я, ни г-жа Зелинская въ этой пьесѣ не выступали.

Примите и пр.

М. Н. Нестерова. (Слово).

„Авторомъ замѣтки является Н. Н. Брешко-Брешковскій. Богатая фантазія у г. Брешко-Брешковскаго, пишущаго о спектакляхъ, которыхъ не было, и рецензирующаго актрисъ, въ этомъ спектаклѣ не играющихъ“.

(Бирж. Вѣд.).

На языкѣ простомъ—не „богатая фантазія“, но простое мошенничество, продажа товара завѣдомо гнилого,—родъ дѣянія, противъ котораго ополчается базарная полиція.

Этотъ базарный торговецъ наводняетъ своимъ товаромъ нѣсколько газетныхъ лавочекъ. Часто товарецъ бываетъ протухлый, но читатель все съѣстъ, безъ кастороваго масла, ибо привыкъ.

(Послѣднія Новости).

Предлагается маленькая задача по театальной этикѣ и театальной ариеметикѣ.

Дано одною богатенькою (не талантомъ, а талантами) ученицею драматической школы сто рублей рецензенту одной газеты, обязавшемуся ее рекламировать. Рецензентъ сгоряча похвалилъ ее въ пьесѣ, въ которой она не участвовала.

Спрашивается:

Имѣетъ ли право ученица получить отъ рецензента цѣликомъ всѣ сто рублей, а если часть, то какую именно?

(Обозрѣніе театровъ).

— Въ результатѣ ряда совѣщаній, происходившихъ въ послѣднее время въ „Художественномъ театрѣ“, какъ намъ передаютъ, явилось между прочимъ учрежденіе комитета по административнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ. Въ составъ его входятъ: отъ дирекціи—гг. Станиславскій, Немировичъ-Данченко, Стаховичъ и отъ труппы—гг. Лужскій, Москвинъ, Вишневскій, Бурджаловъ, Александровъ, Румянцевъ. Предсѣдатель—Вл. И. Немировичъ-Данченко. Являясь какъ бы расширеніемъ первоначальнаго правленія, вѣдавшего ту же область внутреннихъ театральныхъ дѣлъ, комитетъ не будетъ, однако, касаться выбора пьесъ и распредѣленія ролей. По-прежнему г. Немировичъ-Данченко принадлежитъ право veto въ репертуарѣ и въ такъ-называемыхъ „представительныхъ“ отъ лица театра выступленіяхъ. Комитетъ будетъ собираться еженедѣльно.

— Вечеръ памяти Тургенева состоится 16 марта въ театральномъ клубѣ. Будутъ читаться произведенія самого И. С. Тургенева, личныя воспоминанія о немъ, будутъ выставлены портреты Тургенева работы И. Е. Рѣпина. И. Е. Рѣпинъ прочтетъ свои воспоминанія о Тургеневѣ. С. А. Андреевскій тоже подѣлитъ своими воспоминаніями. Примутъ участіе такъ же Л. Андреевъ, Е. Н. Чириковъ, А. Волинскій, О. Чюмина, М. Г. Савина, В. Н. Давыдовъ, А. Н. Давыдовъ, г. Ходотовъ, г-жа Юлшина, Куза, Тартаковъ и др.

— 25 марта, въ залѣ арміи и флота даетъ концертъ артистка Императорской русской оперы В. И. Куза. Сборъ съ концерта предоставляется въ пользу дѣтскаго пріюта Невскаго общества пособія бѣднымъ съ отчисленіемъ части сбора въ пользу «Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ».

— 15 марта исполнился годъ со дня смерти П. И. Бларамберга.

— Въ Литературно-художественномъ кружкѣ состоялось засѣданіе по вопросу о формѣ чествованія юбилея Л. Н. Толстого. Предсѣдательствовали кн. Сумбатовъ (Южинъ).

Были представители отъ всѣхъ московскихъ прогрессивныхъ газетъ.

Собраніе нашло необходимымъ избрать временное бюро, которому поручить созвать въ будущую субботу общее собраніе представителей культурныхъ и просвѣтительныхъ учреждений и лицъ, желающихъ принимать участіе въ торжествѣ.

Это-то собраніе и изберетъ комитетъ для организациі чествованія.

Избраны во временное бюро: кн. Сумбатовъ, Давыдовъ, Веселовскій, Иванъ Бунинъ и проф. Анучинъ и кандидатами къ нимъ: Каллашъ и Эфросъ.

Собраніе рѣшило пригласить для участія въ торжествѣ всѣ культурныя и просвѣтительныя о-ва и учрежденія Москвы.

Представители города на собраніи „блистали“ своимъ отсутствіемъ.

— Перестройка сгорѣвшаго Солодовникова театра начнется нынѣшнею весною, ассигновано 200.000 руб. Страховая премія получена въ размѣрѣ 145.000 руб.

— Спектакли московскаго художественнаго театра начнутся въ Петербургѣ 14 апр.

— Во время свиданія В. А. Теляковскаго съ В. Н. Давыдовымъ инцидентъ съ ставкой улаженъ.

— Въ настоящее время г-жа Арнольди поправляется.

— Въ ежедневно дающей сборы „Ночи любви“ въ театрѣ Корша въ роли Карлины, вмѣсто Шуваловой, показали Капанъ. Пѣвица не обладаетъ голосовыми средствами и очень дурно держится на сценѣ.

— О. И. Шаляпинъ въ Москвѣ появится, вѣроятно, въ концѣ предстоящаго лѣтнаго сезона въ качествѣ гастролера. Съ его участіемъ предположенъ рядъ спектаклей въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ будущемъ сезонѣ Александринскій театръ поставитъ „Антонію и Клеопатру“ Шекспира съ участіемъ В. А. Мичуриной, гг. Юрѣва и Аполлонскаго.

Музыкально-драматическіе и оперные курсы Поллакъ. Въ субботу, 15 марта, состоится второй вечеръ сценическихъ упражненій учащихся II курса по драматическому классу А. А. Санина для перехода учащихся со II на III-й курсъ. Представлено будетъ: „Среди цвѣтовъ“, Г. Зудермана, сцена изъ I-го акта, „Грѣхъ да бѣда на каго не живетъ“, А. Н. Островскаго, сцена изъ I-го акта, „Огни Ивновой ночи“, драма Г. Зудермана, „Дядя Ваня“, А. Чехова, сцена изъ II-го акта, „Горе отъ ума“, комедія Грибоедова, сцена изъ I-го акта, „Василиса Мелентьевна“, драма Островскаго, сцена изъ V акта, экзаменуются: уч-цы Безсонова, Динаровская, Ланская, Львова, Наумова-Краковская, Невѣрова, Нѣжинская, Пушина, Раневская; уч-ки Будаговъ, Гутманъ.

На послѣднемъ общемъ собраніи членовъ харьковской общественной бібліотеки выяснилось, что за прошлый годъ въ бібліотекѣ было украдено читателями 1704 тома на сумму 1195 руб., т. е. бібліотека потеряла почти 1/3 часть своихъ книгъ. Кражи совершались разнообразѣйшими способами. При сдачѣ замѣняли цѣнныя книги разными дешевыми, вырѣзали гравюры и цѣлыя статьи. Находились даже воры, которые, захвативъ нѣсколько книгъ, чтобы избѣжать контроля при выходѣ, оставляли свои шапки, сданныя швейцару, и уходили, надѣвъ заранѣе припасенныя другія. Внутри переплетовъ многихъ рѣдкихъ изданій оказались шитыми старыя арифметики, географіи и т. п.

Какіе „милые“ читатели!

Бывшая супруга нынѣшняго короля Саксоніи, графиня Монтинозо, супруга артиста Тозелли, возбудила вопросъ о разводѣ. Г-жа Тозелли заинтересовалась французскимъ журналистомъ Леке. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что Тозелли не могъ выступить въ Варшавѣ въ концертѣ совмѣстно со своей супругой. Видѣтъ на концертной эстрадѣ женщину, которая могла-бы быть въ настоящее время королевой—это для публики большихъ городовъ составляетъ первоклассную сенсацию.

Въ залѣ Тенишевскаго училища была прочтена очень интересная очередная лекція прив.-доцентомъ А. Ф. Каль по исторіи происхожденія западно-европейской музыки на тему „Робертъ Шуманъ“.

Конспектъ лекціи приблизительно слѣдующій: Дѣтство и юность Шумана. Первые проблески таланта. Вліяніе Жанъ Поля и другихъ романтиковъ. Лейпцигскій университетъ. Первые путешествія. Жизнь въ Гейдельбергѣ. Начало творческой дѣятельности. Жизнь въ Лейпцигѣ. Фридрихъ Викъ. Лейпцигскіе друзья. Зарожденіе „Davidsbund'a" и „Новой Музыкальной газеты“. Характеристика Флорестона, Евсевія и другихъ членовъ романтическаго союза.

„Davidsbündlerfänze“. „Carnaval“. Фортепьянныя сонаты. Симфоническіе этюды. Фантазіи (C-dur. Noveletten. Kinderszenen. Kreisleriana. Faschingschwank. Phantasiestücke. Шуманъ, какъ романтикъ. Годы любви. Клара Викъ. „Годъ пѣсенъ“. Пѣсни Шумана, ихъ оцѣнка и характеристика. Сочиненія для оркестра. Дѣятельность Шумана въ Дрезденѣ: „Генвефа" и друг. сочиненія этой эпохи. „Манфредъ" и „Фаустъ“. Сочиненія 1849—1853 годовъ. Шуманъ въ Дюссельдорфѣ. Болѣзнь и смерть. Шуманъ, какъ человекъ. Итоги его дѣятельности и его значеніе въ исторіи музыки.

Тому успѣху, который имѣла лекція, много способствовало безукоризненное исполненіе музыкальных иллюстрацій извѣстной пианисткой Э. Л. Штембергъ, А. Г. Жеребцовой-Андреевой, А. Ф. Каль и М. Э. Іовановичъ (аккомпаниаторъ).

Интересная тема лекціи привлекла полный залъ слушателей.

Въ большой аудиторіи Солянаго Городка была прочитана Ник. Д. Бернштейномъ очередная лекція по исторіи русской музыки на тему: „А. П. Бородинъ“.

Лекцію сопровождали музыкальныя иллюстраціи въ исполненіи г-жи Доре, г-жи Деветъ, струнный квартетъ: Гг. Колаковскій, Гилль Монасевичъ, Мальмгренъ; Гг. Ермаковъ, Державинъ, Ливанскій, Голтисонъ, Фистулари, Эбанъ. Очевидно наша публика не особенно интересуется отечественными композиторами, т. к. слушателей было очень мало.

Музыкальныя иллюстраціи были интересны, особенно въ исполненіи струннаго квартета (Nocturne) и Г. Ермакова, голосъ котораго звучалъ прекрасно.

.....

Клубъ актеровъ—неудачниковъ сформировался въ Нью-Йоркѣ. Въ это общество принимаются лицидѣи, страдающіе природными и приобрѣтенными недостатками: косноязычные, шепелявящіе, сюсюкающіе, алкоголики, охрипшіе пѣвцы, одноглазые, хромыя, горбатые и т. д. Недавно была выдана премія въ 100 долларовъ члену этого клуба, обладающему пятью изъ упомянутыхъ «достоинствъ».

По дѣлу о покушеніи на жизнь артиста Коржевина слѣдствіе уже закончено. Дѣло будетъ слушаться въ апрѣлѣ. Жену Коржевина защищаютъ прис. пов. Лидовъ и Воиновъ.

— Редакторъ-издатель „Обозрѣнія театровъ“, И. Осиповъ, обратился въ дирекцію Императорскихъ театровъ съ ходатайствомъ о субсидіи. Дирекція Императорскихъ театровъ отклонила это ходатайство за неимѣніемъ свободныхъ средствъ и не надобностью подобнаго изданія. („Б. В.“).

Къ свѣдѣнію примадоннъ

— Налогъ на драгоценныя камни. Въ бюджетной комиссіи французскаго парламента разсматривается проектъ обложенія налогомъ драгоценныхъ камней—бриллиантовъ, рубиновъ, сапфировъ, изумрудовъ и жемчуга. Предполагается взимать 10% стоимости за каратъ. Камни вѣсомъ болѣе трехъ каратовъ предполагается таксировать 15%.

Москва. Въ Художественномъ театрѣ въ первый разъ поставили одну изъ интереснѣйшихъ Ибсеновскихъ пьесъ—величаваго и мрачнаго „Росмергольма“. Но, увы, съ грустію приходится констатировать, что эта новинка не прибавитъ лавровъ театру и, скорѣе, будетъ причислена къ мартирологу поражений. Было скучно, вяло, какъ-то сѣро. И вдохновенныя Ибсеновскія слова неслись со сцены съ какимъ-то безразличіемъ и не находили отклика въ зрителяхъ. Главная причина неуспѣха—та, что не было нарастанія, не было градаціи въ страшной трагедіи. И когда Ребекка говоритъ въ послѣднемъ актѣ, что Росмергольмъ облагораживаетъ, но убиваетъ счастье—это явилось полной неожиданностью: съ самаго начала не было счастья, не было солнца, все было сыграно въ одной плоскости, монотонно и скучно. И обезличилась сложная психологія пьесы, интереснѣйшая проблема, затрагиваемая пьесой. Въ постановкѣ есть интересные внѣшніе приемы, но все это растворилось въ общемъ безцвѣтномъ тонѣ.

Г-жа Книпперъ играла неровно, спадала съ тона, у нея часто не хватало подъема. Г-нъ Качаловъ надѣлилъ Росмера излюбленной артистомъ неврастеніемъ и отнялъ у образа обаяніе и величіе. Сухо, рѣзко сыгралъ г. Вишневскій интереснѣйшую роль Бренделя. И только гг. Лужскій и Леонидовъ дали характерныя эпизодическія фигуры. Но для этого... не стоило ставить „Росмергольма“.

В.
— Въ „Эрмитажѣ“ начались спектакли братьевъ Адельгеймовъ. Поставили старую, но вѣчно юную трагедію Гуцкова „Уриель Акоста“. Роль атеиста-философа Акосты не совсѣмъ въ средствахъ Роберта Адельгейма. Она не принадлежитъ къ лучшимъ изъ его репертуара. Нужны сила, мощь, а онѣ не всегда находятся у артиста. Сцена отреченія произвела впечатлѣніе и вызвала шумные аплодисменты.

Бень-Акиба, Рафаель Адельгеймъ,—яркая характерная фигура. Все, начиная съ грима и кончая шамкающимъ, слабымъ голосомъ престарѣлаго раввина, выдержано до мельчайшихъ подробностей.

Объ остальныхъ исполнителяхъ лучше умолчать. Еогъ съ ними! Игра ихъ особеннаго вниманія не заслуживаетъ.

Варшава. 2 марта начались спектакли русской драматической труппы подъ режиссерствомъ Е. П. Карпова и съ участіемъ Е. Н. Рожиной-Инсаровой.

Репертуаръ назначенъ слѣдующій: 2 марта—„Гроза“, 3—„Спаситель“, 5—„Авдотья и жизнь“, 7—„Новое поколѣніе“, пьеса изъ жизни военныхъ (право постановки въ Варшавѣ предоставлено исключительно А. А. Плещееву), 10—„Искупленье“, ком. Потапенко, 14—„Современныя амазонки“, 16—„Хаосъ“, 17—во второй разъ „Новое поколѣніе“, 19—„Закатъ“, пьеса А. Н. Южина съ авторомъ въ главной роли, 21-го—„Мастеръ“, 24-го „Вопросъ“, 26-го—„Витязь“.

Г-жа Рожина-Инсарова дебютировала въ роли „Катерины“ въ „Грозѣ“ и заинтересовала публику своей игрою. Кулигина типично и живо играла, вмѣсто заболѣвшаго г. Степанова, г. Александровскій. Тихонъ, въ исполненіи г. Карпова (младшаго сына Е. П.) вышелъ довольно удачнымъ. Хорошо играли странницу Оеклушу г-жа Корчагина, Ваню Кудряша—г. Садовскій и старуху Ка-

банову—г-жа Свободина-Барышева. Хороши также были г-жи: Саладина, Козырева, Лелива и гг. Табенскій, Хворостовъ и Стронскій.

Въ общемъ 1-й спектакль свидѣтельствуеетъ, что труппа, привезенная г. Плещеевымъ, будетъ имѣть успѣхъ въ Варшавѣ.

Рига. 3 марта возобновлены были спектакли русской драмы въ городскомъ театрѣ. Дирекція того же К. Н. Незлобина. Поставлена комедія Островскаго „Правда хорошо, а счастье лучше“ для 1-го выхода талантливаго и опытнаго артиста В. И. Неронова.

Главныя дѣйствующія лица: Амосъ Панфиловичъ Барабошевъ, купецъ—С. И. Годзи, Мавра Тарасовна, его мать—Н. С. Карпенко, Поликсена, дочь Барабошева—Е. Н. Лилина, Платонъ—В. И. Лихачевъ, Сила Егоровичъ Грозновъ, отставной унтеръ-офицеръ—В. И. Нероновъ.

Пьеса разыграна дружно и художественно. Г. Нероновъ имѣлъ большой успѣхъ и далъ детально обработанный образъ Грознова. Остальные исполнители тоже были хороши. Публики собралось много.

Тифлисъ. Дирекція г-жи Яворской. Закончившійся сезонъ драмы сводится къ 58-ми названіямъ капитальныхъ пьесъ и 6-ти названіямъ одноактныхъ. Изъ капитальныхъ—28 новыхъ, при чемъ,—какъ это ни странно,—въ числѣ новыхъ пьесъ должно фигурировать „Горячее сердце“ Островскаго и,—какъ это ни досадно,—такой хламъ, какъ „Война“ Евреинова, французское искаженіе „Анны Карениной“, „Воръ-джентльменъ Рафльсъ“, „Трудъ и капиталъ“ и „Адскій пѣсъ“, пьесы, не имѣющія ни малѣйшаго оправданія для своей постановки.

Гвоздями сезона были „Черные вороны“ и „Пробужденіе весны“, исключительно ради „запретнаго“ ореола, а никакъ не изъ-за своихъ художественныхъ достоинствъ.

Затѣмъ относительный успѣхъ имѣли: „Нравственность г-жи Дульской“ и „Склепъ“. Вотъ и весь новый вкладъ минувшаго сезона.

Изъ исполнителей сама г-жа Яворская выступила въ 16-ти новыхъ роляхъ (считая 2 въ „Розахъ“ Зудермана), и изъ всѣхъ 16-ти развѣ одну только миссисъ Чевелей, въ „Идеальномъ мужѣ“, можно помянуть добрымъ словомъ. Нѣкоторыя же прямо-таки поражали несуразностью свѣего истолкованія (напр., Вендла въ „Пробужденіи весны“, Анна Каренина, Хорошенькая, Ребекка въ „Росмергольмѣ“, Бланшъ въ „Сфинксѣ“ и Тиміанъ въ „Жизни падшей“). Изъ ролей стараго репертуара, кромѣ Маргариты Готье, наиболѣе удачно воспроизведены были Лулу (въ „Женщинѣ“) и мадамъ Санъ-Женъ.

Наличность художественнаго плюса въ сезонѣ неразрывно связана съ именемъ премьера труппы, г. Шорштейна: благодаря ему и г. Аярову, Островскій, въ концѣ-концовъ, получилъ небольшое число балловъ. Ради перваго поставлены были „Доходное мѣсто“ и „Женитьба Бѣлугина“, а ради втораго—„Лѣсъ“ и „Горячее сердце“. Помимо этого г. Шорштейнъ далъ хоть одинъ баллъ Шекспиру, сыгравъ Гамлета, и создалъ въ цѣломъ рядъ пьесъ истинно художественные образы. Нельзя не замѣтить, что г-жа Яворская, всячески оградивъ себя отъ малѣйшей возможности конкуренціи въ близкой ей «женской» области (въ самомъ

началѣ сезона, напимѣръ, труппу должна была покинуть г-жа Истомина, только что начинавшая завоевывать симпатіи публики), допустила присутствіе въ труппѣ талантливыхъ актрисъ лишь на амплу инженерно-драматикъ, въ лицѣ г-жи Марченко, и старухъ, въ лицѣ г-жи Строговой, съ одинаковымъ успѣхомъ исполнявшей и великосвѣтскія, и характерныя «пожилыя» роли, и г-жи Донской—прекрасной «бытовой» старухи.

Главную тяжесть сумбурнаго и безсистемнаго репертуара вынесли на своихъ плечахъ пылкій г. Шорштейнъ и твердый въ своемъ опытѣ г. Аяровъ и г-жи Марченко и Строгова.

Изъ молодежи, преобладавшей въ труппѣ, слѣдуетъ выдѣлить гг. Каратаева—актера съ большимъ темпераментомъ и разностороннимъ дарованіемъ—и Галина, замѣтно обывравагося къ концу сезона. Обѣщаетъ стать хорошею актрисой на характерныя роли и г-жа Адурская.

Оба режиссера, гг. Андреевъ и Соколовскій, дѣлали, что могли, или, вѣрнѣе, что имъ позволяли дѣлать условія „бури и натиска“ антрепризы.

Харьковъ. (Итоги опернаго сезона). Дѣятельность опернаго товарищества подъ управленіемъ Максакова была одной изъ немногихъ предпріятій подобнаго рода, которое протекло и окончилось въ благоприятныхъ условіяхъ съ матеріальной стороны. Хотя въ предварительныхъ афишахъ были объявлены къ постановкѣ многія новинки, а также обѣщано было возобновленіе оперъ «Князь Игорь», «Черевички», «Лоэнгринъ», «Тангейзеръ» и многихъ другихъ, но, къ сожалѣнію, обѣщанія остались только обѣщаніями.

За истекшій сезонъ было поставлено 36 оперъ и 2 оперетки.

Труппа г. Максакова располагала хорошимъ дисциплинированнымъ оркестромъ въ 42 чел. и приличными хорами.

Главнымъ капельмейстеромъ былъ г. Штейнбергъ, который давно составилъ себѣ лестную репутацію въ провинціи талантомъ и серьезнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу. Второй дирижеръ г. Маргулянъ—человѣкъ не безъ способностей, но слишкомъ самоувѣренный.

Изъ отдѣльныхъ артистовъ наиболѣе заслуженнымъ успѣхомъ пользовались: Алешко и г. Максаковъ. Г-жа Алешко обладаетъ прекраснымъ драматическимъ органомъ и сильнымъ, здоровымъ артистическимъ темпераментомъ. Она выступала въ партіи Аиды, Селики, Татьяны, Лизы, Тоски, Микаэлы, Рузалки, Сантуццы, Рахили, Валентины, Элеоноры. Г. Максаковъ исполнялъ самыя разнообразныя парт. какъ, напр., Вильгельмъ Телль, Нелюско, Амонасро, Тоніо, Кочубей, Борисъ Годуновъ, Атанаиль въ «Таисѣ» и другія.

Г. Секарь-Рожанскій и г-жа Леминская обладаютъ очень хорошими голосами. У Секара-Рожанскаго героическій теноръ металлическаго тембра—очень сильный, но ему вредила постоянная склонность къ детонированію. Лучшія его партіи: Садко, Васко де-Гама, Каніо. Г-жа Леминская имѣетъ очень красивое mezzo-soprano, но, благодаря своему чрезмѣрно большому росту, она не могла исполнять такихъ выигрышныхъ пар., какъ Карменъ, Миньона и т. п. Лучшая партія ея: Амнерисъ, Фридесъ, Графиня, въ „Пиковой дамѣ“.

Партіи лирическаго сорґано у насъ исполняли: г-жи Шульгина, Менцеръ и Гашинская. Изъ нихъ лучшій голосъ у Менцеръ, которая еще молода, но ей надо избавиться отъ тремолированья и нѣкоторой холодности въ сценическомъ исполненіи. Г-жи Шульгина и Гашинская пользовались уже остатками своихъ голосовъ, но производили впечатлѣніе: первая хорошою игрою, а вторая — выдающеюся музыкальностью. У г-жи Маклецкой голосъ много уже потерялъ въ звучности.

Изъ баритоновъ, кромѣ Максакова, еще выступали Гладковъ и Комаровъ въ отвѣтственныхъ партіяхъ. Гладковъ съ небольшимъ, но мягкимъ голосомъ. Г. Комарова при хорошемъ голосѣ, плохая дикція и какая-то напыщенная манера пѣнія. Басы Горяиновъ и Порубиновскій — полезные и желательные пѣвцы во всякой оперной труппѣ, но все же для партіи Руслана, Сусанина, Мефистофеля нуженъ болѣе содержательный басъ. Недуренъ теноръ г. Зиновьевъ. Изъ артистовъ на второстепенныя партіи выделялись: Морозова, у которой хорошее свѣжее тесно-сорґано, Рябиновъ — басъ, Бондаренко — баритонъ и особенно Залипскій — теноръ, очень звучный, пріятнаго тембра. Большой пробѣлъ въ труппѣ составляло отсутствіе лирическаго тенора и колоратурнаго сорґано, такъ какъ г. Павловъ и г-жа Девось-Соболева не могли удовлетворять строгимъ требованіямъ. У Павлова голосъ слабый, хотя пѣвецъ онъ очень музыкальный. У Девось-Соболевой сохранился лишь верхній регистръ, хотя хорошая школа и изящная игра давали ей возможность справляться до нѣкоторой степени съ репертуаромъ колоратурнаго характера. Ея лучш. парт. — Лакмэ, Филина и Королева въ „Гугенотахъ“.

Большимъ сюрпризомъ для харьковцевъ было приглашеніе г-жи Люце, которая явилась для товарищества своего рода Маскоттой, такъ какъ всѣ сборы при ея участіи значительно поднялись и нерѣдко спектакли шли съ аншлагомъ. Врядъ ли можно скоро забыть ея Лакмэ, Маргариту, Манонъ и Розину.

Изъ другихъ гастролеровъ насъ посѣтили Алчевскій, выступившій разъ въ Гугенотахъ, и Антоновскій, спѣвшій дон-Базиліо и мельника. Хорошему ансамблю способствовалъ и балетъ; особенно выделялась prima-ballerina Джелато. Въ общемъ нужно признать истекшій сезонъ удачнымъ, и несомнѣнно, симпатіи публики вполне заслужены оперой.

Съ выдающимся ансамблемъ прошли оперы: Борисъ Годуновъ, Хованщина, Аида, Вильгельмъ Телль, Садко и Тоска.

Вильна. Пьесой „На покое“ закончился зимній театральный сезонъ. Публика наша не имѣетъ основанія быть особенно довольной имъ. Давно не играла въ Вильнѣ такая жалкая труппа. Правда, среди безцвѣтной массы (къ тому же и немногочисленной) актеровъ выделялись одинокіе, рѣдкіе, какъ деревья въ полѣ, талантливые и интеллигентные люди. Но ихъ присутствіе еще болѣе оттеняло общее убожество дѣла. Причина — удивительно низкіе оклады особенно по сравненію съ тѣми, которые получались артистами у Струйской, Дуванъ-Торцова и Малиновской — виленихъ антрепренеровъ за послѣдніе годы. Отношеніе къ постановкѣ спектаклей нерѣдко поражало своею халатностью. Достаточно указать на то, что актеръ на амплуа комика не былъ приглашенъ (если не считать администратора Рат-

мирова, выступившаго всего на всего въ 4-хъ роляхъ) и обязанность заполнять этотъ пробѣлъ, наряду съ остальными пробѣлами того же рода, взялъ на себя самъ антрепренеръ г. Мартовъ. Но онъ (г. Мартовъ), съ одинаковой самоотверженностью брался и за Свенгали, и за Пружанчика въ „Казни“, и за всякія роли, на которыя не хватало актеровъ. А справлялся онъ съ этимъ, въ большинствѣ случаевъ, очень просто: часто почти безъ всякаго гримма, выходилъ на сцену, подавалъ всѣ нужныя реплики и съ сознаниемъ исполненнаго долга возвращался въ публику.

При такомъ отношеніи къ дѣлу неудивительно, что театръ не пользовался слишкомъ большими симпатіями публики, и если антреприза не прогорѣла, то главнымъ образомъ она обязана этимъ частымъ общедоступнымъ спектаклямъ въ манежѣ, шедшимъ 3 раза въ недѣлю и посѣщавшимся преимущественно нетребовательной публикой, валившей въ театръ главнымъ образомъ изъ-за низкихъ цѣнъ (отъ 1 руб. 10 коп. до 12 коп.).

Изъ артистовъ труппы наибольшими симпатіями публики завладѣла талантливая г-жа Чарусская, замѣтно выделялась г-жа Раевская, были довольно милы въ нѣкоторыхъ роляхъ г-жи Мрозовская и Павлоградская. Изъ мужского персонала слѣдуетъ отмѣтить г-на Путятю (фатъ-любовникъ), ставшаго любимцемъ публики, и г-на Рыбникова, очень талантливаго и способнаго артиста, создававшего много интересныхъ типовъ и съ успѣхомъ несшаго на своихъ плечахъ весь репертуаръ. Замѣтно выдвинулся г-нъ Ермоловъ (неврастеникъ и простака), подающій большія надежды, также обладатель красиваго баритона.

Изъ пьесъ съ особымъ успѣхомъ прошелъ „Король“, давшій 6 полныхъ сборовъ. Очень мило сошли „Розы“ Зудермана. Бенефисы Ермолова, Чарусской, Мартова, Путяти и Островской прошли съ аншлагомъ. На будущій сезонъ новой антрепренершей г-жей Малиновской изъ труппы Мартова приглашенъ одинъ только г-нъ Путятя.

Самара. На смѣну драматической труппѣ г. Кручинина, къ намъ пріѣхала оперетта подъ управленіемъ г. Кошевскаго. Для перваго спектакля дана была пресловутая оперетта „Веселая вдова“.

Широковѣщательная афиша гласившая о томъ, что труппа состоитъ исключительно изъ артистовъ Спб. театровъ и сильная реклама вообще сдѣлали свое дѣло и театръ былъ почти полонъ.

Въ роли „Вдовы“ выступила г-жа Бауэръ и имѣла вполне заслуженный успѣхъ. Г-жа Лучезарская, выступившая въ роли Валентины, пѣла недурно, но ея игра заслуживаетъ желать многоаго. Артистка она совсѣмъ неопытная.

Г. Кошевскій, исполняя роль посланника, похожъ былъ болѣе на камердинера и мѣстами слишкомъ переигрывалъ. Г. Баратовъ для роли Данилы совершенно не подходитъ ни фигурой, ни игрой; пѣлъ артистъ довольно неважно, а мѣстами партія эта оказалась ему не по голосу.

Хорошъ былъ въ роли Негуша г. Любовъ. Остальные артисты содѣйствовали ансамблю. Балетъ подъ управленіемъ г-жи Забойко малочислененъ, также и хоръ. Обстановка не важная.

Самаровецъ.

Могилевъ (губ.) Гастроли петербургскаго фарса во главѣ съ І. А. Смоляковымъ, со-

стоявшіяся 5, 6 и 7 марта, особенныхъ сборовъ не сдѣлали. Труппа выѣхала въ Витебскъ. На смѣну ей пріѣхалъ со своей труппой г. Мейерхольдъ. 8-го поставлена „Гедда Габлеръ“. Сборъ хорошій. Продажа на остальные три спектакля идетъ бойко. Ожидается пріѣздъ труппы г. Гайдебурова съ пьесой „Иммортели“.

Азъ.

Екатеринославъ. Новый Зимній Театръ. Братья Адельгеймъ съ драматической труппой З. И. Черновской и М. И. Чернова гастролировали у насъ съ колоссальнымъ художественнымъ и матерьяльнымъ успѣхомъ.

Кромѣ Бр. Адельгеймъ, пользовались успѣхомъ: З. И. Черновская, г. Руничъ, Новиковъ и Серболовскій.

Были поставлены: Казнь (3 раза), Отелло, Трильби; Гамлетъ, Донъ-Жуанъ, Пассажиръ, Кручина и друг.

На смѣну бр. Адельгеймъ, начались гастроли М. М. Петипа и благодаря косноязычной труппѣ г. Валентинова дѣла прошли очень плохо и при плачевныхъ сборахъ (200 руб. на кругъ за 8 спектаклей).

Успѣхомъ у публики пользовалась только: Мариусъ Мариусовичъ Петипа; всѣ исполняемые имъ роли онъ проводилъ съ душой и чувствомъ. Поставлены были: Туннель, Мятажникъ, Укрошеніе строптивой, Сюливанъ или Любовь и Предразсудокъ и Смерть Наполеона I.

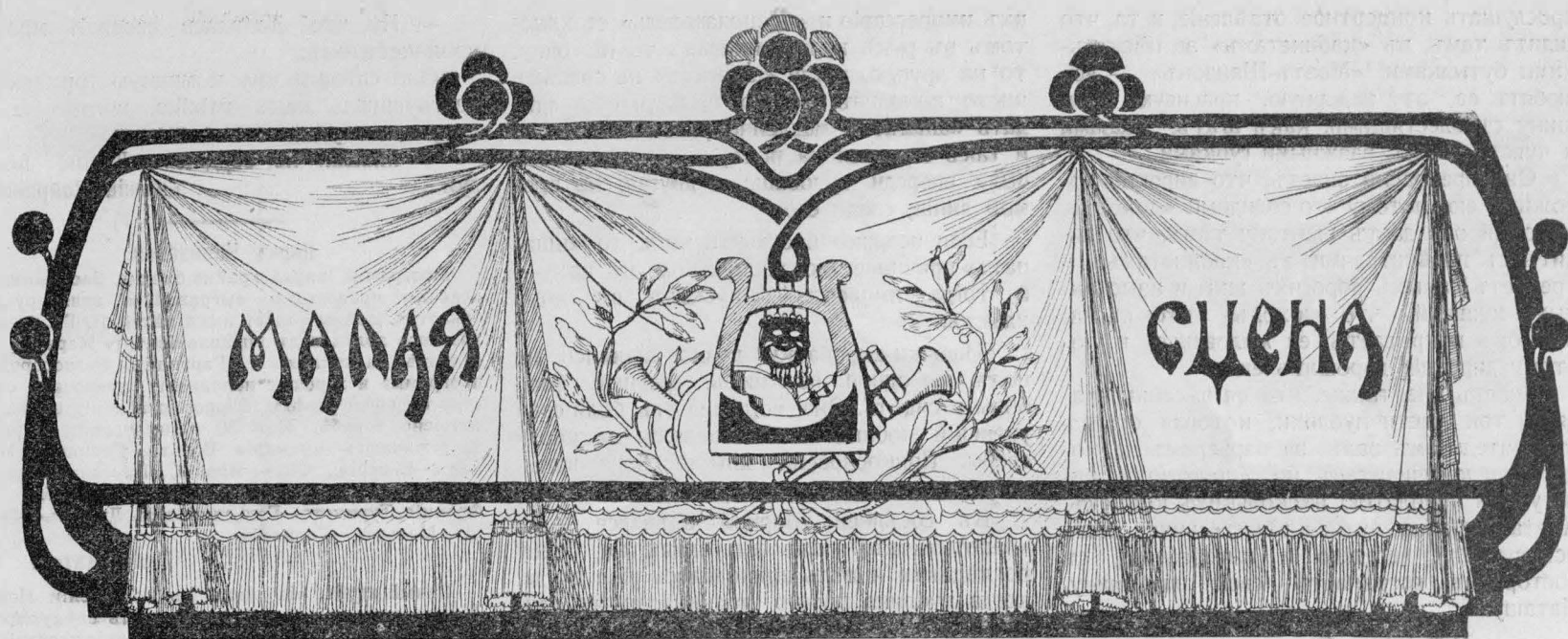
Со второй недѣли Великаго поста г. Петипа играетъ въ Коммерческомъ Собраніи въ труппѣ г. Соловьева. Въ новомъ зимнемъ театрѣ со второй недѣли начались гастроли артиста Императорскихъ театровъ К. А. Варламова, съ 3-ей — „фарсъ“ Сабурова, съ 4-ой — опера Максакова. Въ аудиторіи со 2-й недѣли малоросы Иваненко.

И. Сокольскій.

Гельсингфорсъ. 3 марта начались гастроли оперной труппы г. Кирикова „Евгеніемъ Онѣгинымъ“. Театръ былъ переполненъ. Нельзя не замѣтить, что въ Финляндіи Чайковского хорошо знаютъ и высоко цѣнятъ; почти ни одинъ концертъ не обходился безъ его композицій.

Первый спектакль выяснилъ, что труппа обладаетъ весьма недурными силами. Режиссерская часть (г. Халинъ) поставлена хорошо. Оркестръ большой и сыгравшійся; имъ управляетъ извѣстный г. Зеленый. Хоръ многочисленный и съ сильными — свѣжими голосами.

Заглавную роль исполнялъ г. Савранскій. Баритонъ довольно хорошій. Нижній и средній регистры звучатъ красиво, верхамъ недостаетъ чистоты отдѣлки, того чистаго, металлическаго звука, который обыкновенно плѣняетъ меломановъ въ баритонѣ. У публики имѣлъ успѣхъ. Г. Андреевъ (Ленскій) повторилъ арію передъ дуэлью. У него мелодичный и симпатичный лирической теноръ, не очень обширнаго діапазона, иногда немного тускловатый. Г. Ардовъ (Греминъ) пѣвецъ, еще не вполне свободно распоряжается своимъ вокальнымъ матеріаломъ (басъ). Татьяну пѣла г-жа Ванъ-Бринъ. Молодая артистка нѣсколько неопытна, и образъ пушкинской Татьяны не былъ вполне законченъ ни въ вокальномъ, ни въ сценическомъ отношеніи. Хороши были г-жи Савельева (Ольга), г-жа Фалькманъ (Ларина) и особенно Суровцова (няня). Г. Чарскій (Трике) — артистъ старательный.

КАФЕШАНТАННЫЕ СИЛУЭТЫ.

ЗА КУЛИССАМИ.

Средняго роста, немного полная, съ матовымъ цвѣтомъ смуглаго лица и большими черными глазами, опущенными густыми рѣсницами, Наташа имѣла массу поклонниковъ въ кафешантанѣ, гдѣ она служила солисткой, — шансонетной пѣвицей. Ея костюмы и крупныя камни въ ушахъ, на пальцахъ и груди — служили предметомъ зависти остальныхъ шансонетокъ. Особенно завидовали ея костюмамъ и тому, съ какимъ изяществомъ она держалась на сценѣ. Нѣмки и француженки, особенно послѣднія (ихъ было двѣ: одна худенькая, съ угловатыми бедрами, другая полная съ непомерно толстыми ногами), до того возненавидѣли Наташу, что на каждомъ шагѣ старались дѣлать ей непрятности. Чаше всего столкновения происходили на почвѣ самолюбія: чья фамилія въ программѣ напечатана болѣе крупными буквами, и чей выходъ раньше или позже. Видѣтъ свою фамилію напечатанной мельче, чѣмъ фамилія конкурентки — это было оскорбленіе, котораго ни одна шансонетка не простила-бы режиссеру. Когда передъ Наташиной фамиліей значился длинный титулъ, француженки, а слѣдомъ за ними и нѣмки настойчиво требовали отъ режиссера, чтобы для нихъ подбирались еще болѣе длинныя титулы. Наташу увлекла и захватила эта борьба за первенство въ кафешантанѣ и она вся отдалась ей. За кулиссами кафешантана разыгрывались сцены ревности. Къ режиссеру, невысокому, свѣтлому блондину съ свѣтлыми усами и коротко остриженной головой, приставали чуть-ли не «съ ножомъ къ горлу».

— Александръ Александровичъ — говорила нѣмка, — was ist denn dass? Что ви зо мной дѣлаетъ?!

Режиссеръ дѣлалъ строго-удивленное лицо и засовывалъ руки въ карманы.

— Ви опѣтъ напечаталъ, што Наташъ — «лютшій исполнительницъ russische Romanzen», когда всѣ знаютъ, што я лютше...

Режиссеръ увертывался, пожималъ плечами, разводилъ руками, мычалъ въ отвѣтъ безсвязные звуки и рѣшительно терялся, не зная, какъ поступить, чтобы примирить всѣхъ шансонетокъ.

Съ нѣмкой дѣлалась истерика, и растерявшійся режиссеръ опрыскивалъ ее водой, разстегивалъ корсажъ и когда бѣллыя, пухлыя руки нѣмки какъ-бы безсознательно обвивались вокругъ его шеи, — онъ давалъ ей торжественную клятву, что «съ этого момента она — «лютшій исполнительницъ russischen Romanzen»...

Гораздо труднѣе было справиться съ Наташей.

Съ программкой въ рукѣ, возбужденная, съ вздрагивающими тонкими ноздрями маленькаго, изящнаго носика и блестящими, какъ агаты глазами, она топала ножкой на режиссера и совала ему въ глаза программку:

— Это что значитъ, милостивый государь? А?! — властная ножка топала все рѣзче и рѣзче, голосъ возвышался до такихъ нотъ, что режиссеръ умоляюще складывалъ руки:

— Наташа...

— Что-о-о?! Какая я вамъ «Наташа»!! Старую, тухлую нѣмку называете лучшей исполнительницей романсовъ, а меня «Наташа»!!

— Наталья Михайловна!.. Успокойтесь... родная, — не кричите: «перепонныя барабаны» лопнуть, — пробовалъ онъ пошутить. Но Наташа не знала удержу.

Размахивая программой, она откидывала ногой дверь своей уборной и запиралась въ ней на ключъ.

— Больше не пою въ этомъ кабацѣ... Завтра же уѣзжаю въ провинцію!..

Проходило полчаса, часъ... Дверь уборной не открывалась.

Напрасно режиссеръ подходилъ къ уборной и осторожно стучалъ пальцемъ въ легкую, дощатую перегородку — ни отвѣта, ни привѣта.

Онъ отходилъ встревоженный, озбоченный:

— Не случилось-ли съ ней чего нибудь? —

и онъ въ душѣ проклиналъ нѣмку, которая дѣлаетъ ему массу непрятностей, и директора шантана, который «смыслить въ артистахъ столько же, сколько свинья въ апельсинахъ», и самого себя за свою «безхарактерность», и свою жизнь, которую онъ всегда почему-то называлъ «розмариновой»...

Но подходило время выхода Наташи на сцену, а дверь все была заперта, и въ уборной все также тихо.

Выходъ нѣмки значился по программѣ послѣ выхода Наташи. Выходить позже считается болѣе «шикарнымъ», такъ какъ лучшіе номера сохраняются къ концу вечера, когда соберется больше публики.

Схватившись руками за голову, бѣгаетъ несчастный режиссеръ по уборнымъ и не знаетъ, что предпринять... Сейчасъ выходъ Наташи, а она все молчитъ, молчитъ...

Онъ стучится въ уборную француженки: — Вашъ выходъ, мадамозель...

Изъ уборной несется душу раздирающій крикъ:

— O, mon Dieu! — Не мой очереди!..

Отъ француженки, сломя голову, онъ несется къ нѣмкѣ, какъ буря врывается въ ея уборную и чуть-ли не кулаками толкаетъ ее къ выходу:

— Ступайте, ступайте скорѣе!

«Mein Gott! Ви зъ ума зошоль!.. Не буду пѣть!..»

Режиссеръ уже взбѣшенъ. Нѣсколько разъ уже оркестръ проигралъ увертюру, а на сценѣ все нѣтъ и нѣтъ никого.

Глотая слезы и стараясь казаться улыбающейся на сцену выбѣгаетъ толстая, напудренная нѣмка Серра-Дорра, — и съ привычными жестами поетъ избитую и опошленную пѣсенку.

Наташа торжествуетъ: она настояла на своемъ и поетъ послѣ нѣмки.

Теперь ей все безразлично: будетъ-ли сердиться режиссеръ, устроить-ли ей «сцену» нѣмка — она поставила на своемъ, одержала верхъ. Она не беспокоится о томъ, что ей откажутъ; этого никогда не можетъ быть, потому что публика — и та, что приходитъ

прослушать концертное отделение, и та, что сидит тамъ, въ «кабинетахъ» за нѣсколькими бутылками «Мозтъ-Шандонъ» — всѣ любятъ ее, эту задорную, красивую женщину съ блестящими, какъ агаты, глазами и чувственными, влажными губками.

Она прекрасно знаетъ, что дирекція дорожитъ ею, потому что солидный «доходъ», который она даетъ шантану тѣмъ, что сидитъ съ посѣтителями въ «кабинетахъ» и требуетъ самыхъ дорогихъ винъ и изысканныхъ кушаний,—что «доходъ» этотъ съ избыткомъ покрываетъ ея жалованье, и поэтому дирекція дорожитъ ею.

Знаетъ она также, что ея пѣсенки нравятся той части публики, которая стоитъ въ зрительномъ залѣ за барьеромъ и ходитъ въ кафешантанъ по «почетному билету» съ приплатою нѣсколькихъ копѣекъ. А эта публика, чуткая цѣнительница всего остроумнаго, веселаго и интереснаго, съ восторгомъ встрѣчаетъ свою любимицу, Наташу.

2.

Жидкіе хлопки проводили уходъ со сцены Ссерра-Дорры.

Наташа вышла бодрая, ловкая въ своемъ изящномъ съ блестками платьѣ, и плавно поводя красивыми, крутыми бедрами, подошла къ рампѣ и заплѣла мягкимъ, груднымъ голосомъ.

Ее встрѣтили бурю апплодисментовъ, и она улыбалась блестящею улыбкою, которая такъ шла къ ея продолговатому, матовому лицу.

За кулисами шла обычная суতোлка, подготавливались выходы.

Тріо молоденькихъ дѣвочекъ-акробатокъ репетировали передъ выходомъ на сцену и дѣлали «шпагатъ». Возлѣ стоялъ

ихъ импресарио и «преподаватель» съ хлыстомъ въ рукѣ и покрикивалъ то на одну, то на другую, когда «шпагатъ» не совсѣмъ чисто выходилъ. Нужно было, чтобы сдѣлать «шпагатъ» медленно разставлять ноги и такъ садиться на полъ, чтобы одна нога была впереди туловища, а другая, по прямой линіи, сзади его.

Если неловко поставить ноги, то «шпагатъ» причиняетъ страшную боль въ паху—и тогда импресарио пускалъ въ ходъ хлыстъ.

Дѣвочки-акробатки ловко садились на полъ, но одной изъ нихъ, средней, было больно сидѣть. Она морщила отъ боли свой узенькій лобикъ и на глазахъ закипали слезы. Прикосновение хлыста снова вызвало на губы заученную улыбку.

Въ сосѣдней уборной одѣвался хоръ «лапотниковъ». Ихъ выпускали на сцену послѣдними и пѣть приходилось уже тогда, когда публика шумно поднималась со своихъ мѣстъ и покидала залъ.

Наташа уже нѣсколько разъ уходила со сцены и возвращалась туда къ настоящимъ, непрекращавшимся апплодисментамъ.

У боковыхъ кулиссъ стояла уже готовая къ выходу танцовщица-француженка и нервно покусывала розовые ногти. Шумный успѣхъ Наташи портилъ ей настроеніе: неприятно пѣть послѣ такихъ шумныхъ и долгихъ апплодисментовъ—у публики наступаетъ реакція, и она становится не такъ щедра на вызовы.

Наташа уходила со сцены сіяющая, радостная.

Въ корридорѣ ей встрѣтился режиссеръ нахмуренный, угрюмый.

— Ну, что? Добилась своего?! мрачно произнесъ онъ.

Она сдѣлала ему комичную гримаску и, изогнувшись, какъ змѣйка, протянула къ нему свои губы:

— Милый! не сердись... Лучше поцѣлуй...
Евгеній Койранскій.

Циркъ Чинизелли.

Программа цирка крайне блѣдна. Заслуживаетъ похвалы превосходно сыгравшійся великорусскій оркестръ школы солдатскихъ дѣтей Л. Гв. Измайловскаго полка подъ управленіемъ г. Маркузе, при солистѣ на гусляхъ г. Гартманъ. Разнообразная программа и хорошее исполненіе приносятъ оркестру большой успѣхъ. Второе отдѣленіе цирка посвящено борьбѣ. Изъ 30 записавшихся борцовъ заслуживаютъ вниманія Вольтъ—Германія, Миллеръ—Баварія, Ону—Японія, Пенгаль—Турція, Эмабль де ла-Кальметъ—Франція, Эмабль II—Франція, Туомисто—Гельсингфорсъ, Дюманъ—Франція, Мольдтъ—Германія.

Завсегдатай.

Новый клубъ. На дняхъ въ помѣщеніи Новаго Театра открылся новый клубъ подъ слѣдующимъ, не лишеннымъ извѣстной доли остроумія названіемъ: «Международное географическое и охотничье собраніе» (?!).

На дняхъ можно ожидать открытія новаго клуба: «Общество любителей ассенизаціи»... Чего не бываетъ въ Петербургѣ?

Спросъ и предложеніе ангажемента.

Начинающіе любятъ драм. иск. хотятъ выступать въ одномъ изъ лѣтнихъ театровъ для практики. Спр. 10-я Рождественск. 18 кв. 28, П. Т. С.

— Молодой любовникъ и простакъ, игралъ въ Германіи, (имѣетъ гардеробъ), ищетъ занятій на великій постъ по амблѣ. Требованія очень скромныя. Есть рекомендація. По соглашенію дебютъ. Адресъ: Садовая 27, Н. М. Лунцу для Л.

— Драмат. актриса (быв. Литер.-Худож.). Свободна на постъ и лѣто. Сергіевская, 81, кв. 10, Висковатова.

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Вниманію Гг. артистовъ и антрепренеровъ.

Центральное Правленіе Всероссійскаго Союза сценическихъ дѣятелей доводитъ до свѣдѣнія, что имъ расширяется справочный отдѣлъ и организуется посредничество между спросомъ и предложеніемъ всѣхъ отраслей сценическаго труда. Желаніе благоволятъ присылать свои адреса съ условіями предложенія.

На отвѣтъ прилагается марка.

Продается кинематографъ (аппаратъ),

соединенный съ волшебнымъ фонаремъ; освѣщается электричествомъ. Цѣна по соглаш. Фонтанка, уг. Невскаго, № 29, во дворѣ на право, перв. подъѣздъ, кв. № 29. Отъ 10 ч. до 6 ч. веч.

● ● ПУБЛИКАЦІИ ВСЯКАГО РОДА и ВИДА ● ●

(плакаты, афиши, вывѣски, рекламы и т. п. объявленія)

НА ЗАБОРЪ

вокругъ строящагося памятника

На Знаменской площади,

а также по всему Петербургу.

НА ЗАБОРАХЪ перестраиваемыхъ мостовъ: Полицейскаго, Поцѣлуева, Пантелеймоновскаго, Аларчина, Сампсоніевскаго, Баннаго (на Офицерской ул.), Мало-Калинкина, Старо-Калинкина, Ново-Московскаго и друг., а также на ГАЗЕТНЫХЪ КІОСКАХЪ и АФИШНЫХЪ КОЛОННАХЪ **принимаются исключительно** въ главной конторѣ

В. А. ПТАШНИКОВА.

Почтамская 10, телефонъ № 16-92. Тамъ же принимаются всякія объявленія на всѣ станціи Приморско-Сестрорѣцкой ж. д. въ вагонахъ ея и въ курортѣ.

Театральный Календарь-Ежегодникъ

Справочная и записная книжка сценическихъ дѣятелей и театраловъ съ приложеніемъ „ЕЖЕДНЕВНИКА“

(Годъ изд. ВТОРОЙ).

Составилъ артистъ **А. С. КОШЕВЪРОВЪ.**

(Годъ изд. ВТОРОЙ)

ЦѢНА въ коленкоровомъ переплетѣ съ резиной и карандашемъ 1 рубль

Москва Б. Молчановна, Криво-Никольскій пер. д. Обяжниковыхъ, кв. 4. А. Кошеворову.

Бѣлостокскій лѣтній театръ „РОСКОШЬ“

сдается въ теченіе лѣтняго сезона съ полной обстановкой сцены. Сборъ доходитъ до 1000 рублей.

Зданіе театра находится въ прекрасномъ паркѣ, гдѣ имѣется большая открытая сцена для разнохарактерныхъ труппъ, а также первоклассный ресторанъ. Сообщение на трамваѣ.

Съ предложеніями и за справками обращаться въ гор. Бѣлостокъ, Ченстоховская ул. г. М. Гурвичу.